

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

Далеко от Земли

СССР-XXI

Павел Комарницкий
Далеко от Земли

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Комарницкий П. С.

Далеко от Земли / П. С. Комарницкий — «Эксмо»,
2017 — (СССР-XXI)

ISBN 978-5-699-95860-3

Сентябрь 1974 года. Советский Союз... Четырнадцатилетний Антон поспорил с друзьями, что проведет ночь на Кунцевском кладбище, приковав себя к могильной оградке. Он не верит в оживших покойников, но когда видит бредущую между могил белую фигурку, то с трудом удерживается от дикого крика... Десять лет спустя Антон – свежее испеченный инженер, который трудится в Научно-Производственном Объединении им. Лавочкина, где строят межпланетные станции. Антон один из участников легендарного проекта «Вега», курируемого Комитетом Государственной Безопасности. Романтик космических исследований и не подозревает, что таинственная встреча на кладбище, о которой он давно забыл, и его работа связаны самым непосредственным образом. И что будущее СССР зависит от того, удастся ли Антону вспомнить о девочке с загадочным именем Вейла...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95860-3

© Комарницкий П. С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Павел Комарницкий

Далеко от Земли

© Комарницкий П.С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог Дом Вечного Солнца

Небо сияло едва заметной нежной голубизной, сгущавшейся в зените. Закинув голову, Иллеа глубоко вздохнула, втягивая в себя кристально прозрачный горный воздух. Только здесь, в полярных горах, небо бывает таким нереально голубым. Нигде больше. Даже на самых высоких горных вершинах в Поясе Зноя небо выглядит обычным – белое, сияющее, как хорошо начищенная алюминиевая тарелка. Громадная такая тарелища, опрокинутая над миром...

И только здесь, возле самого полюса, Солнце неизменно ласково и никогда не бывает тьмы. Дом Вечного Света... Вот уже больше шести тысяч дней и ночей стоит он тут, на плоской вершине. А до того, если верить хроникам, тут было первобытное капище, уходящее корнями в невообразимую древность...

Облокотившись на парапет, девушка обвела взором пейзаж. Даа... впечатляет, нечего возразить. Разноцветные клыки скал, торчащие из ковра буйной зелени, серебряные жилки горных рек, отсвечивающие радугами водопады... Дальше всё тонULO в дымке, неистово сиявшей в той стороне, где у самого горизонта пряталось солнце.

Вот интересно, какова тут видимость... тридцать тысяч шагов? или всё же двадцать? Забыла, надо же, а ведь в школе ещё учила... Во всяком случае, вряд ли где-нибудь ещё можно вот так запросто обозреть целый край. В Поясе Зноя всё тонет в дымке уже в трёх-пяти тысячах шагов, а уж про Пояс Ветров и говорить нечего... Недаром сюда стекаются паломники со всей огромной Иноме – восторг гарантирован...

– Привет, Иллеа!

Девушка обернулась.

– Привет, Инмун!

Молодой человек, появившийся на обзорной галерее Дома Вечного Солнца, был одет куда легче девушки – на той по крайней мере имелось хоть какое-то платье, правда, оставившее открытыми груди, не говоря уже о ногах, поскольку подол одеяния представлял собой два нешироких полотнища, спускающихся от самой талии, спереди и сзади достававших до колен. В отличие от подруги весь костюм упомянутого Инмуна состоял из какого-то немыслимого цветка, явно искусственного, неким хитроумным способом державшегося на половых органах, служа им укрытием. Молодой человек подошёл к девушке и без малейшего смущения притянул её к себе, держа за талию.

– М... Отстань, Инмун, не место и не время... – девушка облизала губы, смывая сочный поцелуй.

– Всегда место и время. Ты моя невеста, считай, почти жена.

– Невеста пока не жена, – вильнув станом, она высвободилась наконец из рук нахального парня. – Если кто увидит, что подумают о нашем воспитании?

– Глупости, немного позавидуют и забудут. Как там написано в одной древней книге: «Тело мужчины служит для переноски головы, тело девушки создано для ласк». А уж такое прекрасное, как у тебя, так полагаю, для ласк непрерывных.

– Крупный нахал и мелкий льстец! – она засмеялась. – Кто ещё приглашён на аудиенцию?

– Мне не сообщили. Сказали только, что Почтеннейший приглашает для важной беседы.

– Но ты в курсе, о чём пойдёт речь? – девушка вновь оперлась о парапет.

– Я могу лишь догадываться. Ты, впрочем, тоже могла бы. Ты в курсе, что обитатели Иннуру уже вышли в космос?

– В курсе, конечно. Слушай, такие смешные погремушки...

– Прошу прощения, что вторгаюсь в вашу беседу, – на галерее возник ещё один персонаж, мужчина средних лет и довольно крепкого сложения. В отличие от Инмуна одеянием ему служил роскошно вышитый передник. – Почтеннейший сейчас освободится, так что прошу приготовиться. Пройдёмте в приёмную, молодые люди.

Все трое быстро зашагали по галерее, свернули на узкую лестницу, ведущую вниз. Во внутреннем двореке размерами с хорошую городскую площадь шумели фонтаны. Надо же, мелькнула у Иллеа посторонняя мысль, уже шесть тысяч дней, и ничего, работают древние гидротараны... безотказно и неустанно поднимают воду с водопада сюда, в резиденцию Патриарха...

В приёмной, расписанной позолотой и яркими фресками, томился в ожидании посетитель – немолодой уже мужчина в переднике, не менее роскошном, чем у провожатого, доставившего сюда парня и девушку. Прикрыв глаза, он расслабленно покоился в овальном обруче, косо прикрепленном к полу, висел в воздухе, ни на что не опираясь. В углу за письменным столом располагалась девица с увязанной в «конский хвост» тугой копной волос, чёрных, как смоль. Секретарша бойко водила пальчиками над столешницей, глядя на светящийся прямо в воздухе текст.

– Почтенный Ноллан! – парень и девушка одновременно присели в приветственном реверансе.

– А! Мои отважные ученики! – сидевший в гравикресле открыл глаза, приветливо улыбаясь. – Впрочем, я должен был сам догадаться...

– Присаживайтесь, – адъютант кивнул на свободные обручи-кресла. – Я сейчас доложу Почтеннейшему.

Ждать пришлось совсем чуть.

– Прошу! – высунулся из двери адъютант. – Все втроём, пожалуйста!

В обширном кабинете царили прохлада и приятный рассеянный свет. Сам Почтеннейший сидел на своём рабочем месте в гравикресле.

– О, почтеннейший Хасехем! – все трое присели в реверансе.

– Приветствую, приветствую вас, уважаемые. Вы, наверное, уже в курсе, зачем я взял на себя смелость оторвать вас всех от ваших важных дел?

– Мы догадываемся, Почтеннейший, – за всех ответил старший по команде, Ноллан.

– Да, да, всё верно. Аборигены Иннуру таки добрались до космоса. Пока они топчутся на низких орбитах, но, судя по всему, это закончится буквально вот-вот. Следовательно, нужно немедленно взять эту сферу их деятельности под наш неусыпный контроль.

Патриарх сделал многозначительную паузу.

– Как бы там ни было, наше инкогнито должно быть, безусловно, сохранено. При любом развитии событий. Мне бы хотелось выслушать мнение специалистов по данному вопросу.

Глава 1

Детская шалость

– ...Ну, не передумал? Или сразу принёс биноклю? – Борька, заложив руки в карманы, нахально ухмылялся.

– Мой бинокль при мне и останется. А ты давай кассетничек-то готовь!

– Ха! Смелый, пока светло. Ну давай, двигай!

Я лишь дёрнул плечом, не желая вступать в дальнейшие пустопорожние пререкания, повернулся и зашагал к воротцам, обозначавшим вход на кладбище. Борька с секундантами топал сзади своими вдребезги разношенными кедами, так, что можно было различать шаг с правой и левой ноги. Правая – шпок, левая – чвяк... наверное, вот-вот отвалится подошва... Хорошо бы отвалилась и похромал бы наш Борюсик обратно... так и надо за вредность ему...

Свежие могилки закончились, и сразу вокруг сгустился вечерний сумрак. В этой, старой части кладбища, меж могильных оградок вымахали деревья не хуже, чем в настоящем лесу, и косые предзакатные лучи не могли пробиться сквозь тесно сомкнутые кроны – листопад ещё только-только вступал в свои права, и лишь отдельные багряно-жёлтые листочки валялись под ногами. И сами захоронения вокруг изменились. Вместо однообразно-унылых железных пирамидок и параллелепипедов вокруг громоздились мраморные плиты и целые изваяния, тут и там торчали каменные кресты. Наше кладбище вообще очень древнее, едва ли не со времён Пушкина, и здесь, в этом дальнем углу, ещё до революции хоронили всяких купцов первой гильдии да графьёв... короче, буржуев разных. Крестьян и рабочих, замученных теми буржуями, тоже хоронили, конечно, но подальше. Только там почти ничего уже не напоминало кладбище, даже могилки не разобрать среди буйно разросшихся кустов. Рабочие и крестьяне в царские времена ведь не могли ставить мраморных памятников, а деревянные кресты давно сгнили.

Заросли наконец расступились, и перед нами явилась церковь – древняя, с выбитыми окнами и сорванным шатром-кровлей. В боку строения виднелся изрядный пролом. Дед мне как-то рассказывал, будто уже перед самой войной, в сорок первом, решили разорить сей храм Божий, чтобы избавить освобождённый народ от поповского дурмана. И даже вроде как сгоряча хотели взорвать. Выделили комсомольцам взрывчатку, да только они её на другое дело отчасти употребили – рыбу глушить в заводи. Вот и не хватило остатка, чтобы часовенку-то обрушить, только дыру и проделали в стене. А тут бац – война. Ну и не до разорения церквей враз стало...

– Здесь годится? – я остановился у витиеватой чугунной ограды, почти утратившей следы покраски и сильно заржавевшей – видать, давно не навещали усопшего родственники. За оградой в буйных зарослях травы виднелась массивная могильная плита из чистого белого мрамора, да с покосившегося памятника-барельефа сурово взирал лик какого-то генерала... а может, и графа. Во всяком случае, полустёртые буквы на памятнике было уже не разобрать без фонаря.

– Можно и тут, отчего нет, – Борька тоже разглядывал памятник, и наглая ухмылка как-то сама собой улетучилась с его губ.

Димка, взявшись за край, с натугой распахнул проржавевшую калитку, истощный визг ржавого железа разнёсся по округе. В кронах деревьев где-то неподалёку всполошились, загалдели кладбищенские обитатели, серые вороны и галки.

– Уй, холодная! – Витёк, мой секундант в этом деле, тронул ладонью надгробие. – Надо травы на плиту накидать, не то околеть можно к утру.

– Надо так надо, – вновь не стал возражать Борька. – Заодно и могилку почистим этому графину. Бабка моя грит, богоугодное дело покойников обихаживать... Давайте уже скорей, пацаны, сейчас стемнеет!

Выдрать в тесном квадрате могильной ограды всю пожухлую траву вчетвером – дело минутное. Травы тутросло не то чтобы на небольшой стог, но для одного спального места вполне даже достаточно. Критически оглядев импровизированную постель, я развернул скатанное в тугой рулон верблюжье одеяло, принялся расстилать.

– Тоха, ты точно не примёрзнешь тут? – Витёк с сомнением оглядывал мои спальные принадлежности.

– Да не бойсь, не примёрзну, – я для убедительности оттянул ворот толстого свитера, торчавший из-под куртки. – Не зима ведь пока что!

– Ну вот тебе тут вода, если пить захочешь, – мой секундант помотал алюминиевой солдатской фляжкой. – Фляжку только аккуратней!

– Верну в целости, – улыбнулся я. Что значит друг, ведь подумал о такой мелочи, а я вот забыл...

Борька между тем уже гремел никелированной цепью, прилаживая её к чугунной ограде. Щёлкнул замок.

– Держи, Пурген! – он протянул мне второй конец цепи, с совсем небольшим замочком.

– За пургена в нос получишь, понял?!

– Ладно, замаяли! – Борька хихикнул. – Узник совести, так лучше?

Вздыхнув, я обернул вокруг щиколотки цепь, позаимствованную у Борькиного дворового пса Пургена (прозванного так за неуёмное стремление гадить везде, куда можно добраться), и защёлкнул дужку замка. Демонстративно выставил ногу – смотрите, всё без обману, не стащишь, замок не отперев. Борька, подпрыгнув, ухватил толстую ветку, протянувшую свою длань к самому монументу, подтянул и зажал под мышкой. Сморщив нос, выдернул из отросшей шевелюры волос и принялся с сопением привязывать к ветви крохотный ключик. Справившись наконец с ювелирной процедурой, мой оппонент осторожно отпустил ветку, и та закачалась над головой, уронив пару жёлтых листочков..

– Значит, так. Утром ключ висит – твой аппарат. Не висит – мой бинокль. Имеются вопросы?

– Давай-давай, цурюк нах хаус! – я демонстративно развалился на «ложе». – Но чтобы завтра до восьми как штык! Восемь ноль одна – всё, конец договора! Я тут до обеда сидеть не собираюсь!

– Да тебя через час тут не будет, – нахальная ухмылка уже вновь вовсю гуляла на Борькином лице.

– Но тебя точно родичи не хватятся? – Витёк озирался.

– Ну сказал ведь, они с Ленкой в гости к бабуле укатали! Они только завтра к вечеру дома будут.

– Дверцу прикрыть? – Димка взялся за ржавую калитку.

– Да не, не надо, – поколебавшись секунду, отмахнулся я. – Ворон только пугать!

– Ну спокойной ночи! С покойниками! – это Борька, разумеется.

Дождавшись, когда товарищи исчезнут из поля зрения, я закинул руки за голову, наблюдая, как последние лучи уходящего солнца один за другим покидают верхушку дерева. Вот ещё... ещё чуть... всё. Последний листок вспыхнул оранжевым пламенем и погас. Ну что... надо спать, пожалуй... а что ещё делать?

Вздыхнув, я накинул на себя край верблюжьего одеяла. Вообще-то глупо, конечно. Вся затея глупая, и весь этот спор дурацкий донельзя. На «слабо» дураков обычно и ловят. Однако, как любит говорить наш сосед, бывший в войну энкавэдистом, – «назвался груздем – полезай в кузов». Может, взрослые дядьки и умеют как-то выкручиваться из таких вот

дурацких споров, на то они и взрослые. Но не в четырнадцать лет. Тем более спор затеялся перед всем классом, так что отступать некуда...

В общем, поспорили мы с Борькой крепко и на кон выставили не щелбаны какие-нибудь – он японский кассетник, я старинный морской бинокль. А цепь, это уже, как говорится, на публику больше. Ну и сжудничать трудновато, это да, при всём желании. Подика отомкни хороший замок в такой-то темноте... тут и опытный вор-домушник навряд ли чего сможет, хоть со всеми отмычками... Отсутствие фонариков любого рода, кстати, Борька специально оговорил, выторговал, жучила. Так страшнее.

Небо, вот только что залитое червонным закатным золотом, на глазах бледнело. Внизу же стремительно скапливался сумрак, неуловимо переходя в уже самую настоящую ночную тьму. Зябко поёжившись, я поплотней закутался в одеяло и закрыл глаза. Надо спать, надо спать... спать до утра. Как убитый, ага. Ну в самом деле, не таращиться же всю ночь, сидя на цепи, как Пурген. Этак и в самом деле с ума сойти можно. То куст под ветром шелохнётся, то что-то где-то скрипнет... треснет... Ну действительно, нельзя же всерьёз верить, что покойники по ночам из могил встают... вампиры там ещё... привидения... Про это в книжках можно читать, интересно, но верить в такие сказки советскому пионеру неприлично. Это же наше, советское кладбище, и не может тут быть никаких таких вампиров... и привидений... вампиров уж точно не бывает... не может быть на советском кладбище...

Вздрыгнув, я открыл глаза. Кусочек неба над головой совсем погас, превратившись в тёмно-серое размытое пятно. Вокруг царил чернильный мрак, и я вдруг отчётливо понял смысл выражения – «хоть глаз выколи». Вот сейчас почернеет это серое пятнышко и непонятно будет, то ли открыты у меня глаза, то ли закрыты... Чёрт, надо было где-нибудь на новых могилках устроиться, вот что. Борька? Побухтел бы и спёкся. Потому что нету такого в уговоре, чтобы непременно тут ночевать, в самом заброшенном углу... а на советских кладбищах вампиров всяких и прочих упырей быть не может в принципе... а тут зато кресты кругом... мне бабушка говорила, всякая нежить креста боится... и покойники, которые вставшие из могил, и упыри, и вурдалаки... а вампиры ещё и осины... тут же растёт осина, разве нет?... непременно должна тут расти осина...

Небо наконец почернело, как и положено ночью, однако света меньше не стало. Серебряные лучики дробились, пробиваясь сквозь листву, так что земли достигали немногие, однако я обрадовался им, как восходу солнца. Вот славно, луна взошла... теперь уже точно нестрашно... и никаких упырей... и покойников восставших... который час?

Часы на запястье с едва заметно светящимися фосфорическими стрелками высветили время – одиннадцать пятьдесят семь. Уже почти двенадцать, вот это здорово... совсем немного до рассвета... полночь... как там в том стихе-то древнем... полночь уже наступила... вылезит ночная нежить, страшная чарами злыми... не, это не надо... надо хороший стих вспомнить, жизнерадостный...

...Мутное белое пятно приближалось, неслышно плывя по воздуху. Вот оно выступило из густой тени, и лунный свет отчётливо высветил белый саван, и бледное лицо, и чёрные волосы... Хорошо, что я подстригся под полубокс, мелькнула где-то на краю оцепеневшего рассудка посторонняя мысль, вот у Борьки сейчас патлы встали бы, как помело... что это так стучит-клацает в голове – неужто мои же зубы? Точно, зубы... только бы не брякнула цепь...

Тихий сдавленный плач, перемежаемый всхлипываниями, точно где-то плачет девчонка. Чёрт, откуда тут девчонка?!

Восставшая из ада подошла уже совсем близко, и наваждение рухнуло. Девчонка. Обыкновенная плачущая девчонка, лет двенадцати от роду, только почему-то босая и почти голая. Что это такое на ней, не то донельзя стильная комбинация-ночнушка, не то какое-то платье для эстрадных танцев...

Цепь всё-таки предательски звякнула, и плач разом оборвался. Покойница, замерев, с пяти шагов рассматривала лежащую на охалке пожухлой травы фигуру. Ну то есть меня.

– Тии ктоо? – какой странный акцент... эстонка, что ли? Да не похоже, а то не видал я эстонцев... И голос совсем не плаксивый, надо же, будто и не ревела только что...

– Я... я это... Антон... – похоже, мой язык, не дождавшись реакции хозяина, решил действовать самостоятельно. Помедлив ещё пару секунд, я завозился, выбираясь из одеяла, и сел. Цепь вновь зазвенела, точно из конуры выбрался сторожевой пёс. Я вдруг явственно представил себя со стороны – лежит на могилке парнишка, завернувшись в одеяло, культурно отдыхает... да притом прикованный за ногу цепью к могильной ограде. Наверное, более дурацкое зрелище трудно вообразить.

Девчонка всё переводила взгляд с меня на цепь и обратно.

– А этоо зачьеем?

– А... это? – я почему-то небрежно отмахнул назад почти несуществующую чёлку. – Это мы поспорили с одним другом, что... ну... я на кладбище всю ночь просижу.

Вместо продолжения беседы девчонка вдруг обмякла и повалилась навзничь.

– Э... эй... эй, ты чего?! Эй! – никакого ответа.

Не тратя более зря ни секунды, я подпрыгнул, ухватил нависшую над могилой ветку, притянув, принялся шарить среди пожухлых листьев. Да где же это он... ага, вот!

Освобождённая ветвь прынула ввысь, я же, присев на корточки, торопливо отомкнул замок своих кандалов. Борька будет издеваться, само собой... и ребята в классе не поймут... да наплевать! И на бинокль тоже – какой может быть бинокль, когда тут такое творится?!

Девчонка оказалась довольно худенькой и очень стройной – наверное, крепкий взрослый дядька сказал бы «легкая как пёрышко». Вот только я всё-таки не взрослый дядька, едва лишь четырнадцать лет стукнуло, так что пришлось повозиться, затаскивая ночную гостью на руках в узкую калитку кладбищенской ограды. Уложив наконец потерявшую сознание поверх одеяла, я торопливо нашарил фляжку, отвинтил пробку и плеснул воду девчонке в лицо. В рот лить? Ну это вы бросьте – ещё на «Зарнице» мы все усвоили, что лить воду в рот человеку, валяющемуся без сознания, ни в коем случае нельзя. Захлебнуться может запросто потому что.

– Аме ве иу... – не раскрывая глаз, прошептала девчонка – Хоолодно... очееень...

Я едва удержался, чтобы не треснуть себя кулаком по лбу. Болван, ну какой же болван... Ну естественно, она же замёрзла как сосулька в этом своём наряде! Бабье лето, это только днём немножко лето, а ночью оно вполне даже осень!

Скинув куртку, я торопливо стянул свитер и напялил на девочку. Помедлив пару секунд, принялся заворачивать её в одеяло. Вот так... правильно, если не поможет, добавим куртку... а ноги в одеяле согреются мигом... эх, надо бы огня! Спички! Где-то же у меня были спички... ага, вот!

Собрав на ощупь какие-то веточки, щепочки и сухие будылья, я чиркнул спичкой, и огонь радостно взвился, разгоняя крошечную тьму.

– Неет... – пробормотала девочка. – Глазаа слепиит... очееень... ниу олле лау-лау... не виидно ниичегоо...

Я лишь хмыкнул, торопливо обламывая с ближайших кустов ветки, по возможности сухие. Глаза слепит, ага... будто это электросварка, а не костер... Замёрзнуть насмерть, гуляя осенью практически голой по ночному кладбищу, она, значит, не боится. И воспаления лёгких тоже не опасается. А вот костерок мой её глаза слепит невыносимо...

– Неет... – девочка вдруг накрыла голову одеялом, словно огонь и впрямь донимал её даже сквозь закрытые веки. Помедлив, я в недоумении затоптал костёр. Что-то тут... что-то не так тут, как хотите...

Да откуда она вообще тут взялась?! И кто её отпустил из дому в таком-то наряде?!

– Тебе согреться срочно нужно, – пробормотал я. – В тепло тебе надо, понимаешь?
– Теплоо... надоо, даа... тоолько неет теплоо... аме ве иу... хоолодно...

Решение, ворочавшееся в моей обалделой голове, наконец-то выбралось на свет. Так... Откуда бы она ни взялась, одно точно – в тепло ей надо. Притом срочно. До моей хаты тут полтора километра по прямой... ну, дворами чуть больше...

– За шею держаться сможешь?

Короткий утвердительный кивок.

* * *

Вот интересно, кто придумал все эти легенды про рыцарей, таскающих прекрасных дам на руках? Нет, я не спорю, может, они в те времена и таскали. Для тренировки, ага. Чтобы потом в трёхпудовых доспехах чувствовать себя легко и непринуждённо. Вот только я не средневековый рыцарь, к глубокому сожалению. И остаётся лишь радоваться, что дама мне попала не полноразмерная... Однако спасение человека есть неременный долг любого пионера...

– Таам яама... – в самое ухо пробормотала мне спасаемая. Притормозив, я взгляделся – точно, яма. Хорошая такая яма, похоже, слегка замаскированная под лужу – сверху немножко водички, а дна вообще нету. Самое то для получения удовольствия ночными прохожими.

– Не царапай мне шею, – попросил я. – У тебя что, перстень на пальце, что ли?

Никакой реакции. Ой, не дотащу... ой, уроню... скамейку мне, скамейку...

– Воон таам скамия... скамейка... – короткий кивок.

Действительно, меж пары разлапистых кустов притулилась новенькая, ни разу не ломанная ещё скамейка. Брякнув на спасительную лавку свою ношу, я почти что рухнул рядом.

– Уфф...

– Устаал?

– Есть малость, – я улыбнулся. – Слушай, ты ведь так и не сказала своего имени. Как тебя звать?

Пауза.

– Тии можеешь зваать меня Вейла.

– Вейла... Так ты из Прибалтики?

Пауза.

– Неет.

– Угу... Финка, стало быть?

Долгая, долгая пауза. Но я уже и сам видел – ляпнул мимо. Ну какая она финка? Финны, они ж как наши эстонцы. Да, эстонцы тоже тянут звуки в словах, но тянут совсем не так, как эта вот девчонка. То есть близко нет ничего похожего. Те просто растягивают, насколько дыхания хватит, а тут... такое ощущение, что слово произносится дважды, с крохотной задержкой. Вот и наслаиваются звуки, на согласных оно почти незаметно, а на гласных вполне.

– Я тебе скажуу. Рааз таак вышлоо... Тоолько не сейчаас, хорошоо? Тии отдохнуул?

Хмыкнув, я подвигал плечами, помахал кистями рук. Пощупал шею. Да, можно двигаться дальше.

– Тут совсем рядом уже. Держись!

И вновь мы пробираемся по задворкам, держась подальше от хорошо освещённых улиц. Время к часу ночи подбирается, любой прохожий как на витрине. А тут парнишка с девчонкой на руках, и притом завёрнутой в одеяло... Первый же проезжающий патруль

издали приметит и докопается. Стоять на месте! А что это у вас, молодой человек? Оооо!! А где взяли? На кладбище, говорите? Понятно... придётся проехать...

– Не наадо даальше... стоой...

Я послушно затормозил на углу, не выдвигаясь из спасительной тьмы в переулок, где, как назло, все фонари горели исправно. И только тут осознал, что именно не так во всей этой катавасии.

– Постой... погоди-ка... я ведь тебе ничего не говорил про скамейку?

– Нее говори, коогда грууз наа рукаах. Берьегии дыхаание...

Милицейский «бобик» резво выкатился в переулок, и смутные догадки в моей голове наконец-то встали на место. Вот как... вот так, значит... провидица, сталбыть?

Однако на сей раз дара предвидения Вейлы оказалось явно недостаточно. А может, просто кто-то из экипажа «бобика» углядел сквозь стекло странную фигуру на углу, явно стремящуюся спрятаться в тени... Как бы то ни было, но машина, резко сбавив ход, круто развернулась и осветила нас фарами.

– Опа... Вейла, мы влипли...

– Стоой, каак ееть.

Вездеход, сияя фарами, уже неспешно подкатывал к нам вплотную. Ни мигалки, ни сирены, ничего такого... Пока это просто любопытство – что за парнишка со странным свёртком на руках, для младенца вроде великовато...

Мотор вдруг смолк на полутакте, мгновенно, будто водитель сдуру включил задний ход. Ослепительное сияние фар тоже угасло, сменившись тусклым красным свечением.

– Ухоодим, скоорее!

* * *

– Уфффф!

Замок на входной двери клацнул, отсекая нас от опасностей улицы. Щёлкнул выключатель, озаряя прихожую мягким светом двурогого светильника, прибитого на стену под самым потолком... Вейла, в своём одеяле поставленная торчмя, точно скатанный в трубку ковёр, озиалась вокруг с явным любопытством.

– Тии туут жиивьёшь?

– Угу... – я отдувался, массируя кисти рук. Нет, честно – вот ежели бы имелись на ней хотя бы колготки какие-нибудь или там гамаша... насколько проще было бы тащить. На загорбок взвалил и попёр, придерживая за ляжки. А с таким вот нарядом только в одеяле завернутой, сталбыть, на ручках...

Девочка, освободившись наконец от верблюжьего одеяла, прошла в комнату, осторожно ступая босыми ногами по линолеуму. Потрогала пальцами ступни край ковра, успокоенно переступила на него.

– О...

– Ну что, отогрелась малость?

– Даа. Спаасиибо тебьее.

Она обернулась ко мне, и я чуть не поперхнулся. Нет, как хотите... Не бывает таких девчонок. По крайней мере у нас не бывает. С такими вот глазами. И с такими вот чертами лица. И нигде не бывает, точно вам говорю. Да что я, девчонок на своём веку мало повидал!

– Ноо надоо еещё гоорьячей вооды, мноого, – она улыбнулась чуть виновато. – Чтообы ннее забольееть...

– Этого добра у нас тут навалом! Горячей воды то есть! – я приглашающе распахнул дверь ванной. – Прошу! Тут вот полотенце чистое, шампуни на полке, если что...

– О! – Вейла с явным интересом разглядывала краны, словно никогда их не видела. Повернув краник горячей воды, подставила ладошку.

– Осторожней! – я резко оттолкнул её руку из-под струи кипятка. Она непонимающе взглянула на меня, хлопая длинными ресницами. – Обваришься ведь!

Помедлив, девочка сунула палец в горячую воду, заполнявшую ванну.

– Даа... немножкоо горячоо... совсем немножкоо...

Сбитый с толку её спокойствием, я тоже смело сунул палец в воду и зашипел, трясая им в воздухе.

– С ума сошла! В такой воде рыбу варить можно!

– Рыбы? – она засмеялась. – Ньее. В такоой водье рыбы варить не моожно. В такоой водье рыба плаавать легкоо!

Вейла вдруг просто и естественно потянула с себя мой свитер, едва прикрывавший задницу. За ним последовал собственный наряд, не прикрывавший и того, – стильная ночнушка-комбинация... а может, это такое платье для танцев... Насчёт тет-а-тета папы с мамой не могу ничего так уж уверенно сказать, но, во всяком случае, если бы мама решила ходить дома в таком платье в моём присутствии, отец устроил бы серьёзный разговор. А тут – на улице...

Ничего больше под этим платьем не оказалось. Только серьги в ушах, перстень с невзрачным камушком на безымянном пальце правой руки да связка каких-то кулонов-медальонов на шее – вот и всё имущество гостьи. Один странного вида кулон, болтающийся на отдельной золотой цепочке длиной чуть не до пупа, очевидно, был отличен от прочих в комплекте.

– Тии доолжен биил ужее догадаться, – не испытывая ни малейшего смущения от своей наготы, она усаживалась в почти кипяток, щурясь от удовольствия. Снимать свою бижутерию перед купанием она явно не намеревалась. – Ньее дуумай таак, головаа заболит. Яа живуу ньее туут.

– А где? – я сглотнул, уже предвидя ответ и страшась его.

– Вии называайте мооя роодина Веньеера.

Мне всё-таки удалось справиться с нижней челюстью и закрыть рот.

– Но на Венере же нет жизни!

– Соовсем-соовсем? – она засмеялась. – А каак жее яа?

– Нет, постой... погоди! – взмолился я. – Туда же наши межпланетные станции летали уже! И данные передали – там температура пятьсот градусов! И давление сто атмосфер почти! И воды совсем нету, только серная кислота в облаках!

– Даанный? – она весело блеснула глазами. – Даанный, этоо хоорошо. Тоолько воот каакая штуука – каакийе дааст мооя маама даанный, таакийе уу ваас ии буудут.

* * *

– Вкусно!

Вейла, завернутая в мамин махровый халат, едва не достававший ей до пят, лопала абрикосовое варенье, щедро черпая из вазы столовой ложкой (чайная как инструмент несерьёзный была ею отвергнута и сейчас без дела лежала на блюде), и аппетитно заедала лакомство белой булкой. Стоявшая перед ней кружка со смородиновым чаем густо курилась паром, и девочка с удовольствием отхлёбывала огненную жидкость щедрыми глотками. Я смотрел на неё, и в разом опустевшей голове моей стоял какой-то тонкий звон. Собственно, всякие дальнейшие сомнения в правдивости гостьи были бы уже неприличны. Ну в самом деле – любой землянин, вот так вот безоглядно глотнувший этого чайку, наверное, тут же

бы и помер. Во всяком случае, кожа с языка слезла бы напрочь... Вот интересно, может ли она пить настоящий кипяток? Ну, который с пузырями...

– Этоо буудеет ужеее нееприятно. Слишкоом горячоо...

Я поперхнулся, закашлялся. Вот как... вот так, значит... Я ведь ни слова, ни звука сейчас...

– Слушай, ты у всех мысли можешь читать или как?

Пауза. Она явно обдумывала ответ.

– Этоо доолго гооворить, даа... каак праавильноо скаазать... Когдаа рьядоом – тоогда у всеех.

Я только головой мотнул по диагонали, принимая к сведению. Нет, а что такого? Телепатия, подумаешь... И вообще, купание в кипятке без всякого вреда для здоровья, по-моему, потрясает куда сильнее.

– Спасибо тебе, – Вейла улыбнулась, и улыбка у неё вышла на диво – благодарность пополам со смущением. Сердце моё стукнуло раз-другой невпопад. – Яа быы соовсем умерлаа... таам...

– Рассказывай, – решительно предложил я, для пущей убедительности прихлопнув ладонью по столу.

Её глаза внимательны и задумчивы.

– Тии увеерьен, чтоо тебее этоо наадо?

– Абсолютно! – мой тон не оставлял сомнений в крайней жизненной необходимости всех этих сведений.

Пауза. Короткий вздох.

– Хорошоо... Мояа маама работаает туут, на Иннуру... даа, на Землее.

Я выжидающе молчал.

– Воот этоо клюуч оот тинно, – Вейла вытащила за цепочку свой примечательный кулон, тот, который висел особняком на длинной золотой цепочке. – Я понимаю, деетьям неельзя на Иннуру... Но маама остаавила егоо доома, ии воот... Скажии чеестно – а тии бии развее ннее взял?

Я только хмыкнул. Отказаться от шанса побывать на другой планете? Да пусть потом хоть кнутом заперют! На конюшне, ага. Или в застенках святой инквизиции. Или даже у позорного столба на Дворцовой площади.

– Взял бы, – признался я абсолютно честно.

– Ну воот виидишь, – она вновь улыбнулась чуть виновато. – Таак и яа...

– Тинно, это ваш космический корабль так называется? Сколько же ты сюда к нам летела?

Она протестующе замотала головой.

– Неет! Я понимаю, чтоо еесть такоое «космический кораабль». Тинно – нее кораабль. И леетить никудаа ннее наадо. Оон ужее туут, наа Зеемле. Рааз – тии здеесь. Рааз – обраатно наа Иноме.

– Иноме... это Венера, что ли, по-вашему? – я усиленно катал по столу шарик из хлебного мякиша, собирая крошки, точно это не крошки – осколки мыслей моих пытаюсь собрать...

– Даа, – она отхлебнула остывший чай, чуть поморщилась. – А моожно мнее еещё горячеей вооды? Тоолько хоорошо гоорячеей...

– Да сколько угодно! – я двинулся на кухню, долил чайник, чиркнув спичкой, поджёг газ. – Варенья ещё хочешь?

– Хоочу! Ии буулку!

– Ты рассказывай пока, – поощрил я, распечатывая свежую банку абрикосового варенья.

Дальнейшее повествование, собственно, было типичным для всех юных первопроходцев, волею судьбы заполучивших в свои руки средство осуществления своей мечты. Причём заполучивших внезапно и на недолгое время, так что тщательная подготовка экспедиции становится невозможной.

– ...Маама говоорылаа, чтоо наа Иннуру всее хоодят в оодьежде, инаачье неельзя. Нуу я и оодела чтоо биистро наашла... праавда, Красиивойе плаатье?

Я хмыкнул. Платье, оно, конечно, грех сказать, что некрасивое. Если можно вообще назвать одеждой сорочку-ночнушку на бретелях, не прикрывающих даже соски, с широкими вырезами по бокам подола, достающими до талии. Ну и видно всё насквозь при хорошем освещении... Как там говорят у буржуев: «эротическое бельё»?

– ...а туут наадо соовсьем друугую оодьежду, – девочка вздохнула. – Я ууже дуумала, чтоо уумру.

– А чего ж ты не переместилась обратно, как замерзать стала?

Пауза.

– А тии поопробуй наайди вхоод, коогда круугом стаалоо тьемноо... Проосто яа заблудилась. Уу наас ньикогдаа ньее бивайеет, чтооби рааз – и тьемноо.

Мысль, уже царапавшаяся в моей голове, точно котёнок в картонной коробке, наконец-то выскочила наружу.

– Постой... погоди... ты хочешь сказать, что ваш этот... как его... тинно установлен здесь, у нас на кладбище?!

– Нуу даа. Маама говоорыила – в гоороде всё врьеема чтоо-то ломаайют, строойят, аа туут всеегда ттихо...

Я уже только мотал головой, точно укушенная оводом лошадь. Ну в самом деле, денёк...

– Уо... – Вейла наконец-то отвалилась от варенья, облизываясь. – Спасиибо!

– Да на здоровье, – улыбнулся я.

– Наа здооровье... – она словно пробовала фразу на вкус. – Этоо раазвье леekarство?

– А как же! – авторитетно подтвердил я. – Вот, к примеру, если у человека паршивое настроение, дашь ему абрикосового варенья – и как рукой снимет. Да вот хоть тебя взять – разве тебе сейчас не легче?

– Наамного леегче, – в её глазах плясали смешинки.

– Ну вот видишь! Варенье – великая вещь!

Вейла засмеялась столь заразительно, что не подключиться к веселью было невозможно.

Встав из-за стола, гостя направилась в обход квартиры, чуть вытянув шею от любопытства.

– Этоо жее таакый апппарат, даа? – тычок рукой в сторону телевизора.

– Угу. Это телевизор. Хочешь, включу?

Телевизор замерцал, прогреваясь, и выдал сочную цветную картинку – волк, сидящий на ветке и спускающий вниз верёвочную петлю, дабы уловить наконец-то абсолютно неуловимого зайца.

– Этоо ктоо?

– Это волк. Ну, такой зверь. Он тут зайца ловит-ловит, никак поймать не может. А если шире смотреть, то это мультфильм. Ну, сказка такая. Чтобы сделать маленьким детям смешно.

– О... – она помолчала. – Уу наас тожее еeсть скаазки, ноо оони нее таакие... Лаадно, каартинки яа моогу смоотреть доома. Вреемя...

Я несколько торопливо отключил ящик. В самом деле... ну вот я бы разве стал тратить драгоценные часы пребывания на чужой планете на просмотр мультяшек?

– Слушай, как ты так здорово выучилась говорить по-нашему? От мамы?

– Неет, – она улыбнулась. – Тии ннее поймешь. Этоо всё воот, – она тронула рукой серёжку, – таакой прибор... каак праавильно уу ваас наазывается – аавтопереводчик. Еслии снять, яа ниичего нее бууду гооворить. Тоолько яа пеервый рааз наадъела, ии нее умею праавильно... поонимаюу в гоолове, каак наадо праавильноо скаазать, аа поолучается вслуух плоохо...

– Да хорошо получается, чего ты! – не согласился я.

– Спаасибо, – она вновь улыбнулась. – Этоо тии мнее приятно хоотел скаазать, даа?

Она долго разглядывала сервант с хрустальной горкой, перевела взгляд выше – там, на серванте, были расставлены мелкие безделушки, в основном стеклянные и фарфоровые – мамино увлечение...

– Этоо ктоо? – она осторожно ткнула пальчиком в стеклянного слоника, совсем крохотного, с металлическим колечком на спине – брелок.

– А, это... это изображает слона. Ну, понимаешь, есть у нас такое животное.

– Вспомниила, – она чуть улыбнулась. – Маама мнее показывала фиильм... А моожно мнее взять с сообой? Поожалуйста...

– Да бери, – улыбнулся я.

– Спаасибо... – ответная улыбка светлая, как солнышко.

Полы маминого халата волочились за ней, точно королевская мантия, из сильно подвёрнутых рукавов торчали тонкие изящные руки. Тонкая девчоночья шейка выглядела из махрового воротника, и на шее этой пульсировала жилка. Я смотрел на неё, и внутри у меня что-то ворочалось, вызревало. Вот она какая... венерианка... Вейла...

– Нее стаарайся таак, – она взглянула на меня искоса. – Твооия паамьять нее смоожет заапечатлееть моой ооблик наадолго...

– А у меня есть фотоаппарат, – неловко пошутил я. – Как насчёт снимка на память?

Пауза. Долгая, долгая пауза.

– Тии праавда таак хоочешь?

Я сглотнул.

– Да...

Опять долгая пауза.

– Чтоо жее... Спаасителю в таакой меелочи ннее откаазывают.

Она развязала пояс халата, и тот тяжело рухнул на пол, точно сорванная портьера. Перешагнула через грудку лежавшей ткани. Закинула руки за голову, вздохматив роскошную чёрную гриву волос.

– Дооставай своою диикарскую маашинку.

– Э...

– Яа ннее пооньялаа, чтоо тии хотеел наа паамьять – моой ооблик илии ээтого жуут-кого баалахона?

* * *

Мы сидели на диване, забравшись с ногами, и молчали. То есть нет, поначалу-то мы болтали очень даже оживлённо, но под конец как-то незаметно разговор вдруг сошёл на нет. Впрочем, ей, при её-то способностях, можно в принципе и не спрашивать ничего – просто поднапрячься и прочесть всё, что желательно, в моей голове. Ну вот и пусть... Я же просто сидел и смотрел на неё. Мне хватало. Вейла...

– Ууже светлоо... – Вейла смотрела в окно, за которым чуть брезжил зябкий осенний рассвет. – Каак страанно... ноочь, каак взмах реесниц...

Она прямо глянула на меня.

– Неельзя боольше ждаать. Тоо ееть моожно. Мееня наайдут...

– Так о чём беспокойство?

В её глазах плавает грусть.

– Мееня наайдут, а тии всё заабудешь. Яа ннее хоочу ээтого. Наадо веернуться, поока ннее хваатились.

Взгляд в упор.

– Помоожешь мннее?

* * *

– Анжелка, привет!

– Антон?!

– Угу. Я это.

– Ты чего в такую рань?!

Моя одноклассница стояла на пороге своей квартиры, кутаясь в наспех накиннутый халатик, и сонно моргала.

– Слушай, тут такая история дикая приключилась... У одной моей хорошей знакомой все вещи попёрли.

– Какие вещи?

– Ну я же говорю, все! Ограбили. До белья раздели.

– Ка-ак?!

– Уй, это долго объяснять. Я тебе потом подробно, если хочешь. А сейчас дай чего-нибудь из одежды, а? Ну, чтобы девчонка прикрыться могла. Я тебе сегодня же верну, как всё утрясётся.

– Погоди... это же в милицию надо!

Я изобразил крайнее раздражение, с трудом сдерживаемое вежливым воспитанием.

– Ну конечно, надо! Но ты прикинь, двенадцать лет девчонке, сидит она у нас дома в одной сорочке, всю трясёт от нервного стресса. Ты хочешь сказать, ей вот прямо в таком виде и нужно в милицию заявиться? Вот ты бы хотела оказаться в милиции голяком?

Пауза. Анжела явно примеряла ситуацию на себя.

– А родителям её позвонить?

– Родители её на Чёрном море отдыхают, – не моргнув глазом, продолжал я врать. – Хорошо, ключи у соседки, а то бы и ключи попёрли, вместе с карманом. Прикинь, возвращаешься домой, а там уже только голые стены!

– Ужас... – Анжелу даже передёрнуло. – А твои?..

– Мои только к вечеру будут, – я максимально достоверно изобразил бесконечное терпение учителя, в сотый раз объясняющего умственно отсталым таблицу умножения. – И потом, мамкины вещи ей велики, а Ленкины малы. Будь иначе, стал бы я тебя будить! Так дашь?..

– Могу дать блузку, юбку и кофточку, – решила Анжелка, – и ещё колготки, и гамаши ещё... А обувь?

– Ты молодец, Анжелка! На лету схватываешь. Я потому и обратился к тебе, только у тебя из нашего класса размер ноги подходящий. У кого ещё такой? Веденеевой, так ей даже мои ботинки жать будут...

Приём сработал безотказно. Ничто так не повышает настроение девушки, как скупая мужская похвала вкупе с нелестным отзывом о сопернице. Через пять минут я бодро шагал по предраассветной улице, унося с собой сумку со всевозможным девичьим шмутьём.

* * *

— ... Этоо ннее смертеельно. Маама объясняала — проосто ообморок, и потоом ннее помньишь чтоо биилоо...

Трава шуршала под ногами, и лениво шуршал в листве мелкий противный дождик. Вот и кончилось бабье лето... Я глянул на часы — семь часов двадцать пять минут... Борька с секундантами вот-вот подойдёт, кстати. Борька, конечно, тип вредный, но и нарочно тянуть до восьми, оставляя однокашника мокнуть под осенним дождём...

Вейла зябко поёжилась, улыбнулась чуть виновато. Я ободряюще улыбнулся ей в ответ. Сейчас она куда более походила на земную девчонку. Помимо анжелкиных блузки, чёрной вельветовой мини-юбки, гамашей и поношенных, но приличных на вид ботишков на венерианке был напылен мой свитер и поверх него белая парусиновая ветровка — ни дать ни взять девочка-горожанка, выбравшаяся в близлежащий лес по грибы...

Обратный путь от моего дома до кладбища мы прошли куда скорее, чем ночью. Будто спохватившись, всю недолгую дорогу я расспрашивал гостью о всяких разных технических штучках и вообще... Вейла отвечала не то чтобы очень уж охотно, но и не строила из себя «совершенно секретно». И я уже понимал, отчего так. Ну, допустим, решусь я записать всю эту бесценную информацию в тетрадку, что дальше? А ничего. Ровным счётом ничего. Мало ли нынче подростков, бредящих космосом и начитавшихся фантастики? Ну а если кто проявляет особенное упорство, так на этот случай медицина имеется. Псих — это же клеймо до гроба. Кто будет слушать бред психически неполноценного? Так что никакой тут опасности для сородичей Вейлы, если разобраться.

Вот и сейчас я только кивал, усваивая очередную порцию сведений, выданных гостьей. Понятно... парализатор, значит, комплексный — и на живых существ, и на роботов... и на прочую технику неслабо влияет, как я уже убедился. Как тогда фары-то у «бобика» милицейского притухли, словно аккумулятор разрядился мгновенно... Ай да перстенёк... а с виду дешёвая бижутерия и только...

Кстати, по ходу разговора прояснилась не только тайна перстня, но и жароупорность венерианцев. Это у нас на Земле в сутках двадцать четыре часа, так что ночью лишь чуть холоднее, чем днём. А у них там — четыре наших земных месяца, сто семнадцать суток, если совсем точно. Вот и приспособились тамошние организмы к такой суровой жизни. Днём они вроде как холоднокровные — если, конечно, можно считать холоднокровными существ, обитающих при температуре хорошо натопленной бани — а вот ночью, когда прохладно, переходят на теплокровность. Сами себя отапливают, сталбыть, как и мы тут, на Земле. Прохладно, конечно, это по тамошним меркам, потому что даже ночью на Венере не холоднее, чем в земных тропиках где-нибудь на Карибах. А для такого вот экстремального образа жизни есть у всех венериан тройной набор ферментов, обеспечивающих жизненные функции. Один набор, стало быть, при высоких температурах активен, второй, если чуть прохладнее, а третий уже при самых низких... ну то есть ночных. Или земных, да. А что касается удовольствия посидеть в кипятке, так и тут ничего сверхъестественного, если разобраться. Вон у нас на дне океана обитают всевозможные организмы, приспособившиеся кормиться от подводных вулканов, так там вообще температура выше ста градусов. Это у человека все белки хлипкие, сорок два градуса предел, чуть выше — начинают разрушаться... как это правильно-то... а, вот — денатурируются. А у венериан, сталбыть, не денатурируются, их для этого в автоклаве надо варить. В общем, это всё, что я понял, поскольку биология в школе никогда не была моим любимым предметом.

Я усмехнулся, вспоминая историю с одеждой. Понятно теперь, отчего случился такой прокол. У них там тёплая одежда — всё равно что на Земле, к примеру, глубокий или косми-

ческий скафандр. Ну то есть вещи такие в принципе существуют, только мало кто их видел живую, а уж как правильно пользоваться, знают вообще единицы. Ну и что могла подумать девчонка, услышав от матери, что на Земле непременно надо ходить в одежде? Правильно. Надо – так надо, не вопрос. Выбрала из шкафа платице понаряднее, не скрывающее, а подчёркивающее совершенство тела, сталбыть... Это ещё хорошо, что она так удачно вписалась в сезон, всё-таки бабье лето... А если бы в январе? Десять минут, и полный привет путешественнице по чужим мирам...

– Слушай, мне кажется или мы кружим на месте?

Вейла оглядывалась, прикусив губу.

– Всё правильно. Включеен защитный режим. Мы нее можем наайти вхоод.

– А как его выключить?

Она достала свой ключ-кулон, положила на ладонку и принялась разглядывать, что-то неслышно шепча одними губами. Я терпеливо ждал.

– Нее полуучается... – в её голосе явственно проступили слёзы.

Теперь заозирался я.

– Ну-ка, не вешать нос! Не бывает такой пропажи, которую в принципе нельзя найти! Вспоминай давай, что там было. Ну, что ты видела после выхода из этого вашего тинно?

– Чтоо биило?.. – Она трогательно приподняла бровки, припоминая. – Таам воот такийе... – она изобразила на пальцах могильный крест.

– Большие? Как расположены, какого цвета?

Пауза.

– Одиин боольшой, беелый... каамьень, даа. Другоой нее каамьень, метаалл. Чеерный, и таам чееловек воот таак... – она раскинула руки, явно изображая распятие.

– А ещё?

Вновь приподнятые бровки.

– Таам еещё раастёт таакое беелое... каак воолосы... много.

– Молодец! – я улыбнулся как можно более ободряюще. – А ещё что? Вспоминай!

– Еещё таам троопинка, уу саамого вхоода.

– Какая тропинка?

– Нуу таакая узкая... ии даальше таам воода... река.

– Так что же ты молчала!

Тропинка, идущая к Сетуни, куртина отцветшего иван-чая и плюс два могильных креста, один большой мраморный, другой чугунный, с литым распятием. Да по таким приметам не то что Шерлок Холмс, тут первоклассник найдёт этот самый вход в это ихнее тинно!

...Время шло, а мы всё ещё лазали по заброшенному кладбищу. Тропинок, тянувшихся с кладбища к речной пойме, обнаружилось множество, иван-чай, как оказалось, тоже не самое редкое растение в средней полосе России. Вся надежда оставалась теперь на кресты. Я мельком взглянул на часы – восемь двенадцать... Борька-то как будет издеваться... а, наплевать! Сейчас не о том нужно думать, сейчас главное – Вейла...

Я резко встал. Из зарослей низкорослого кустарника торчал массивный мраморный крест, изрядно выщербленный временем. Неподалёку чернел чугунный, с распятием. И куртина с отцветшим иван-чаем возле самой тропинки, надо же...

– Вейла... Похоже, мы нашли. Доставай свой ключ.

Сжав губы от напряжения, она потянула за цепочку, вытащила из-за пазухи кулон, положив на ладонку, сосредоточилась и пошла вперёд ровным скользящим шагом. Помедлив, я двинулся следом. Интересно, очень даже интересно... какой он из себя, этот вход в это самое тинно?

Тропинка, нырнувшая в крохотную ложбинку, отчего-то и не думала идти на подъём. Тянулась и тянулась, как во сне. Я взглянул вверх и чуть не потерял равновесие – горизонт

вокруг явно приподнялся. Вот это дааа... вот это ничего себе эффектики... искривление пространства или как оно правильно называется?

С каждым десятком шагов по тропинке горизонт заворачивался всё круче, явно норовя стянуться в точку над головой, в самом зените. Я лихорадочно соображал. Вот оно как... вот так, значит... Стало быть, кто без ключа, спустится себе в канавку да и выйдет на другую сторону склона. А ежели с ключом, то в со-овсем другое место попадёт...

– Приишли...

Вейла стояла у массивного синего камня, до половины ушедшего в землю. Вокруг цвели здоровенные в рост человека крокусы, трёхметровые гладиолусы – если это, конечно, были гладиолусы – и какие-то совсем уже неизвестные мне цветы. Я взглянул вверх. Горизонт таки стянулся в точку, полностью закрыв небо над головой. Этакая сфера, поперечником метров семьсот... Вот интересно, с ума сойти, это где же на нашем кладбище мог разместиться такой пузырик... под землёй, что ли? Не то, не то!

Свет в этом пузыре, казалось, исходил ниоткуда... нет, не из воздуха даже, а именно просто существовал сам по себе. Без всяких источников, ага. Воздух вокруг был тих и неподвижен, и ещё тут царило даже не тепло, а настоящая летняя жара. Градусов тридцать, наверное, не меньше.

– Буудьем проощаться, – а глаза-то у неё какие грустные, аж сердце щемит... – Даальше теебье неельзя.

Вейла принялась раздеваться, по обыкновению не испытывая ни малейшего смущения. Аккуратно сложила вещи в брезентовую сумку.

– А гдее моойё плаатье?

Я едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Олух, он и есть олух!

– Слушай... оно дома осталось – мой вид сейчас, должно быть, мог служить живой иллюстрацией к картине «опять двойка».

Вейла чуть улыбнулась.

– Ничьеего. Этоо уу ваас ньеельзя бьеез одежды. У наас, еесли хоочется, моожно...

Она протянула мне сумку.

– Тии ииди поо троопке наазад. Каак вийидеешь, яа заакройю вхоод ключом.

Я сглотнул ставшую почему-то вязкой слюну.

– Скажи... мы больше не увидимся?

Глаза, надо же, какие у неё глаза...

– Ктоо знаайет. Моожет биить...

Момент появления на сцене новых персонажей я, признаться честно, полностью проморгал. Вот только что мы были вдвоём, я и она, и никого на целые тысячи лет вокруг... А вот уже стоят чётким полукругом парни в каком-то странном камуфляже, только один в гражданском – нормальная земная болоньевая куртка... и высокая молодая дама в строгом брючном костюме. Нет, я не спорю – до сих пор я видел только одну венерианку, и ту малолетнюю. Может, у них там все женщины такие... только я бы поспорил на что угодно – вот это и есть она, то есть мама Вейлы.

– Вейла? Уа тинно олла ке тау теано? Уа тигайга кео тамула? Таарива леанана! – голос дамы дрожит от внутреннего напряжения.

Тот, что в болоньевой куртке, сделал короткий знак парням в камуфляже, мотнув ладонью в мою сторону.

– Ле! Уа тау ле паллоло!.. – вскинулась Вейла, умоляюще протянув руку в моём направлении.

В моей голове будто полыхнула молния. Свет сошёлся в точку, и всё поглотила мягкая тьма...

* * *

Солнце, размытым сияющим сгустком висевшее в зените, заливало всё вокруг потоками огня. Джунгли притихли, придавленные этим всепроникающим светом, деревья развернули листья дневной, белой стороной, дабы отразить хотя бы часть этого огненного потока. Поверхность озера курилась парком, скручивающимся в крохотные смерчки, тут же таявшие в горячем воздухе, – водоёмы дневной стороны, от океанов до последнего ручейка, щедро насыщали небеса водою, готовя скорое уже неистовство Времени Гроз. Но пока тут царили тишь и спокойствие. Время Зноя в низких широтах – суровое испытание для всего живого.

Иммун прошёл сквозь прозрачную стенку пузыря-гравилёта, и тот немедленно сдулся, вытянулся в узкое вертикальное веретено, прятнул вверх, исчезая в небесном сиянии. Гравнёная белоснежная глыба местного Дома Мудрости нависала над берегом, почти вплотную подступая к воде. Оглядев ещё раз окружающий пейзаж, молодой сотрудник Службы Внешнего Контроля шагнул в бесшумно раздвинувшуюся стеклянную дверь.

– Ну наконец-то! – в прохладном сумрачном холле возникла довольно уже пожилая дама, одетая в строгий деловой костюм, полностью закрывающий живот и лобок. Роскошные груди дамы с позолоченными сосками осуждающе колыхнулись. – Ждём, все собрались уже, молодой человек!

– Миллион извинений, уважаемая! – молодой человек присел в книксене. – Ну не мог никак раньше вырваться, задержали в Доме Вечного Света!

Дама обернулась и пошла впереди, указывая гостю путь. Иммун последовал за ней, чуть улыбаясь. Сзади костюм дамы оказался не столь строг: пушистая кисточка-хвостик игриво пошлёпывала хозяйку по голым ягодичам при каждом шаге.

В обширном конференц-зале собралось с полусотни народу обоего пола, переговариваясь между собой в ожидании начала доклада.

– Приветствую вас, коллеги, и прошу принять мои извинения по поводу невольного опоздания! Позвольте начать или есть предварительные вопросы?

– Вопросы потом, сначала хотелось бы услышать доклад! – председатель собрания пожевал губами.

– Как скажете, многоуважаемый!

Покопавшись в связке амулетов на груди, Иммун отыскал нужный. В воздухе вспыхнула голограмма-заставка.

– Все вы в курсе, коллеги, что в последнее время аборигены Иннуру доставляют нам массу беспокойства. Сразу после запуска первого низкоорбитального спутника они принялись всерьёз интересоваться исследованием планет нашей системы. И если прямое достижение нашей Иноме тамошними аппаратами пока дело перспективы, то дистанционные методы грозят нам утратой инкогнито уже в самое ближайшее время.

Заставка видеоматериала сменилась изображением – огромные чашеобразные антенны смотрят в небо.

– Вот эту установку аборигены Иннуру намерены использовать для измерения радиояркости нашей планеты. Что позволит им для начала определить температурный режим как на дневной, так и на ночной стороне Иноме.

Сдержанный гул в зале.

– Ждать дальше нельзя. Необходимо срочно готовиться к внедрению легенды.

– Легенда уже проработана? – подал голос председатель.

– Да, разумеется.

– Ну так представь.

– Да, конечно, – Инмун покопался в своём амулете, отыскивая нужный материал. – Вот параметры нашей любимой Иноме. Давление, температура, состав атмосферы и прочее...

Некоторое время все рассматривали документ.

– Что, совсем нет воды?

– Абсолютная сухость. И серная кислота в облаках.

– Температура – это сурово, конечно... Нет, но с давлением же явный перебор.

– Ничуть. Они поверят, не моргнув. Теоретические кривые ещё подведут... Зато все аппараты им придётся ваять столь толстостенными, что сам запуск станет проблематичным.

– Ну так ещё утроить параметр, чтобы запускали броневые болванки, – засмеялся председатель.

– А вот это уже и впрямь будет перебор. Возникнут сомнения в достоверности информации. Всякому ужасу должен быть предел.

Инмун нажал на амулет, и рядом с документом-легендой возникло новое изображение.

– Но это ещё не всё, коллеги. Вот это сооружение аборигены намерены использовать для радиолокации нашей Иноме.

– Ничего страшного. Служба Неба вполне в состоянии полностью загасить сигнал, – подал реплику сидящий на первом ряду учёный.

– Как вы себе это представляете, уважаемый? Планета ведь не может иметь нулевое отражение. Так что формировать ответ-легенду всё равно придётся. Между тем спецгент Инбер сообщает, что сразу после первого отражения готовится более тонкий эксперимент с анализом спектра. Временно-частотное разделение и плюс поляризация отражённого сигнала. Такая обработка в принципе позволяет увидеть крупные детали рельефа.

Шум в зале.

– Тише, тише, коллеги! – повысил голос председатель. – Всем уже ясно, что лёгкой жизни у нас более не будет. Формирование фантом-сигнала по радиояркости пустяки, конечно, однако это следует сделать немедленно. А вот радиолокация... тут нам предстоит ювелирная работа. Так что прошу задавать вопросы докладчику.

– ...Тебя ни на минуту одного оставлять, нельзя! Честное слово, хуже Ленки! Четырнадцать лет уже, вон какой вымахал лосина, а одни шкоды на уме!

Капельница бодро отсчитывала ритм. Мама вдруг заплакала.

– Ну ма... ну чего ты... Ну дурацкая выходка получилась... ну всё же нормально теперь...

Она смахнула рукой слёзы.

– Да где там нормально, ты бы посмотрел на себя... А ты подумал, что было бы, если б не нашли тебя те алкаши? Или просто мимо прошли, не стали звонить в «Скорую»?

Я тяжело вздохнул. А что тут скажешь? Всё правильно. Вина моя безмерна. Ну в самом деле, здоровущий уже парняга и норовит вогнать в гроб маму с папой своими идиотскими выходками... добивать таких надо, а не антибиотиками откапывать.

Вообще-то без памяти, похоже, я провалялся достаточно долго. И в памяти той зиял огромный провал. То есть как приковывали меня к могильной оградке, как на ночлег я устраивался на могильной плите, завернувшись в верблюжье одеяло, – это всё запечатлелось в памяти чётко. А вот что дальше... Положим, с кладбища я позорно сбежал, тут без вариантов. Иначе как бы то самое злополучное верблюжье одеяло оказалось у нас дома? Допустим, утром на рассвете я решил вернуться, чтобы натянуть Борьке нос. Ну там привязать как-то ключик, скажем, использовав найденный дома мамин волосок – мои-то стриженные

для такого дела непригодны... Не в моём характере так пари выигрывать, подлянкой откровенной пахнет, но – предположим... Но вот какого лешего я потащился в овраг? Могилку оставленную не мог найти, заблудился малость? Бросьте. Я её и сейчас найду без проблем. Чего там искать-то...

В общем, провал в памяти. Яма, чёрная бездонная яма. Навсегда поглотившая эту ночь на кладбище.

И мама права, абсолютно права – вполне даже мог дать дуба её сынуля. Дождь ведь начинался, кончилось бабье лето, началась подлинная, без дураков, осень... Провалился бы ещё пару-тройку часиков без сознания на холодной мокрой земле и привет. Хорошо ещё, те алкаши, промышлявшие сбором стеклотары и съестного с могилки, оказались гуманистами, ага... Не поленились дойти до автомата, позвонить, да дождались у кладбищенских ворот «Скорую помощь», да проводили до места... Кстати, сразу после того эти алкаши как-то незаметно рассосались, так что первоначальный папин порыв – щедро вознаградить случайных спасителей сына – оказался принципиально невыполнимым... неизвестными остались имена и фамилии благородных спасителей...

– Ладно, мам... – я вновь виновато вздохнул, нашаривая свободной от капельницы рукой её ладонь. – Обещаю, вот честно – на будущее постараюсь никаких таких уж сильно дурацких фортелей не выкидывать. Правда-правда.

– Что ж... спасибо и на этом, – мама чуть улыбнулась.

– Доктор сказал, сколько мне ещё тут валяться?

– Сказал. Четыре дня ещё, если не будет осложнений.

– Каких осложнений?

– Ну мало ли... На почки, скажем, – мама мелко и быстро перекрестилась. – Кто знает, сколько ты там в этих клятых кустах провалился? Ты ж ничего не помнишь...

– Ну, мам... ну правда, всё будет хорошо. И никаких осложнений. Если бы что, так уже бы.

– Дай-то бог... – мама судорожно вздохнула. – Чего тебе завтра принести?

– Завтра? Да не надо, всё у меня есть, ма... Скорей бы домой. Чего тут валяться...

– О, похоже, твои подельники появились! С визитом!

Действительно, в палату гуськом входили трое – Витёк, Димка и Борька собственной персоной.

– Здравствуйте, Алёна Пална...

– Да будешь тут здоровой с вашими выходками... Нервного тика нет пока, и то слава богу. Ладно, я ухожу, беседуйте!

– До свиданья, Алёна Пална!

Новые посетители разместились вокруг моей койки.

– Ну ты как, Тоха? – Витёк потрогал шланг капельницы.

– Уже всё нормально, – я улыбнулся.

– По-дурацки всё как-то вышло, – проговорил Борька, без этой своей всегдашней ехидной ухмылочки. Непривычно даже видеть, будто и не его лицо. – Давай считать, не было никакого спора.

– Брось, уговор есть уговор. Твой бинокль, сто процентов.

– А у нас Пурген сбежал и трёх кур соседских задавил со зла, – Борька наконец-то вернул лицу нормальную ухмылочку. – Меня батя даже выдрать хотел сгоряча за всю эту затею. Вспомню, грит, детство золотое... Тоха, скажи наконец – чего там было-то, ночью?

– Да не помню я, говорил уже... Человеку нужно верить вообще-то.

Ребята переглянулись.

– Димк, скажи ему, – Борька вновь утратил всегдашнюю ухмылочку.

– Ну, в общем, так, Антоха. Ты, может, и не врешь. Память отшибло чем-то, бывает... Только там, на могилке, земля-то мягкая. Никто ж не ходит, не топчет...

– Ну?! – я даже привстал.

– Там следы были, Тоха. Вроде как детские. Босиком. Ну кто в сентябре у нас тут ходит босиком, да притом ночью, на кладбище?

Послеполуночный туман стоял стеной, зыбкой и настороженной. То тут, то там в густом белом месиве зарождался свет, зарождался и угасал – множество ночных светляков искали себе спутницу или спутника короткой жизни, дабы отложить яйца и продолжить род. Некоторые световые пятна, впрочем, были вполне стабильны и при приближении вплотную обретали четкие очертания – ночные цветы привлекали внимание опылителей. Вытянув перед собой руку, Инмун растопырил пальцы – ничего не видно, кроме продолговатых тепловых пятен... вот интересно, обитатели Иннуру смогли бы ходить в таком густом тумане? Нет, наверное... Они же напрочь лишены теплового зрения, тамошние аборигены. Так что на ощупь, только на ощупь и никак иначе...

Инмун усмехнулся. Да, они так и идут в большинстве своём, аборигены Иннуру, – на ощупь. Всю свою жизнь бредут куда-то на ощупь, тыкаясь в стороны, забредая в тупики... Дойдут ли? Кто знает...

Сияние впереди разрасталось, крепло, тепловая же картинка уже обрела полную ясность: три параллелепипеда, врезанные друг в друга, в обрамлении невероятно старинных ламп накаливания – маленький такой каприз хозяина.

– Счастья и радости тебе, почтеннейшая Сайма!

Почтеннейшая Сайма, девчонка лет пятнадцати, торчавшая на крыльце, хихикнула.

– Привет, дядя Инмун! – она изобразила книксен на скорую руку.

– Как отец?

– Уже ждёт, дядя Инмун!

Стеклянная пластина двери бесшумно отъехала в сторону, пропуская гостя.

– Приветствую, многоуважаемый Нинэтэр!

– А, Инмун! – хозяин уже выбирался из объятий старинного надувного кресла, всем своим видом изображая радушие. – Прошу, прошу! Располагайся, где сочтёшь удобным...

– Папа, можно я уже пойду? – почтеннейшая Сайма стояла в дверях с видом законченной пай-девочки, трогательно и незащищенно надув губки и очаровательно хлопая длинными ресницами. – Ну паа-па... ну все же меня одну ждут!

Папа тяжело вздохнул, разглядывая дочуру. Наряд девушки в данный момент состоял практически из одних ювелирных украшений – серёжки до плеч, браслеты на руках и ногах, связка амулетов на груди – это, естественно, всевозможные полезные приборы... На талии дочуры виднелся пояс в виде золотой цепочки, перехваченной алмазной застёжкой пониже пупка. Свободный конец пояса-цепочки, украшенный талантливо стилизованной человеческой кистью с вытянутым указательным пальцем, болтался возле самого лобка, и указующий перст недвусмысленно указывал на псевдотату, весьма талантливо на том лобке нарисованное – роскошный цветок в обрамлении надписи «возьми меня сейчас»

– Ладно... – папа сделал слабый неопределённый жест рукой. – После побеседуем насчёт. Иди уже!

– Спасибо, папуля! – доча не заставила себя упрашивать, крутанулась на пятках и исчезла из поля зрения.

– Трудный возраст, – вежливо констатировал Инмун.

– Очень трудный, – безропотно согласился хозяин дома.

– Вот раньше, помнится, картинок не было...

– Это ты уже стареешь, – усмехнулся Нинэтэр. – Верно, картинки были не в моде. Но что-то я не припомню, носила ли на вечеринках твоя благоверная что-либо, кроме браслетов?

– Клевета. Она всегда приходила в переднике. Длинном таком, до колен. Потом, правда, я наловчился от него избавляться. Под предлогом, что мешает танцевать.

– Да, стащить с девушки передник, притом так, чтобы она не рассердилась, – высокое искусство!

Посмеялись.

– Однако перейдём к делу, – оборвал веселье хозяин дома. – Я слушаю, излагай.

Выбрав из связки кулонов один, Инмун поднял его на уровень шеи, придавил пальцем – в воздухе вспыхнуло голографическое изображение.

– Первая попытка достичь нашей планеты была предпринята аборигенами четвёртого февраля тысяча девятьсот шестьдесят первого года... прошу прощения, это рабочий документ, исчисление дано по календарю аборигенов Иннуру. Нужно сейчас переводить?..

– Не нужно, у меня тут автопереводчик, – Нинэтэр коснулся пальцем клипсы в ухе. – Продолжай.

– Кодовое аборигенное название миссии – «Спутник-7». Стараниями нашей Службы Контроля аппарат остался на низкой орбите. – Инмун сменил кадр, некоторое время гость и хозяин рассматривали изображение примитивного космического аппарата. – Следующая попытка, однако, не заставила себя ждать. Двенадцатого числа того же месяца того же года...

– Прокол, Инмун. Утрата контроля.

– Признаюсь, мы расслабились. Не ожидали, что вот так вот подряд... Впрочем, я бы не стал так уж драматизировать. Всё равно ведь погребушку перехватили вскоре после выхода на траекторию. Мимо Иноме пролетела уже болванка. Да и спешное повторение одного и того же сценария может рано или поздно натолкнуть аборигенов на мысль...

– Вероятно, ты прав.

– Кодовое название миссии – «Венера-1».

– Дальше.

Следующий кадр – уже другой аппарат совершенно иной конструкции.

– Миссия «Маринер-1». Запуск этой погребушки был проведён из другой страны. Дата – двадцать седьмое июля шестьдесят второго года. Но мы всё равно успели принять меры. Отклонение от курса на старте, аппарат на траекторию не вышел. Авария.

– Хорошо, хорошо... Дальше.

Ещё кадр.

– Снова прежняя страна, миссия «Спутник-19». Запуск двадцать пятого августа того же шестьдесят второго года. Аппарат накрылся на опорной орбите.

– Хорошо, очень хорошо... – хозяин дома рассматривал изображение неуклюжего изделия аборигенов соседней планеты. – Дальше.

Смена кадра.

– Очередная попытка прорваться к нашей прекрасной Иноме произошла всего через два дня... ну то есть тамошних дня, конечно. Двадцать седьмое августа шестьдесят второго года по календарю аборигенов. Снова вторая страна. Миссия имела название «Маринер-2».

Мужчины разглядывали висящее в воздухе объёмное изображение.

– Это была и наша первая попытка не просто уничтожить аппарат, а осуществить подмену.

– Я и сейчас считаю эту акцию неоправданной, – Нинэтэр движениями пальцев подправил ракурс картинки. – Но вашему любимому шефу удалось убедить и Совет, и самого Хасехема.

– Прошу прощения, многоуважаемый Нинэтэр, но тут ты не прав. Погремушки или густым косяком. Конечно, мы старались максимально разнообразить поток отказов, но поиск диверсантов уже шёл вовсю. Нельзя было и далее валить всё без просвета.

– Можно. Непрерывный поток отказов уже вскоре привёл бы аборигенов к мысли, что нынешний уровень их техники принципиально не позволяет осуществлять межпланетные перелёты. Мы уже работали над незаметным вбросом этой версии с последующим распространением среди специалистов. Вы же дали им окно, вселили надежду.

– Я не согласен с этим умозаключением.

– Ладно, оставим. Что сделано, то сделано. Дальше, пожалуйста.

Новый кадр.

– Это опять первая страна. Первое сентября того же года, то есть всего четыре дня спустя. Миссия «Спутник-20».

– Ох, и упорные ребята.

– Не то слово. Отказ на орбите.

Пауза – хозяин дома внимательно рассматривал голограмму, поворачивая так и этак.

– Дальше.

Ещё кадр.

– Двенадцатое сентября того же года. Миссия «Спутник-21». Это была последняя погремушка в том косяке. Авария при запуске.

Пауза.

– Дальше.

– Дальше наступила небольшая передышка. Все заготовленные погремушки оказались истрачены, нужно было осознать горький опыт, сделать выводы... В общем, следующая попытка прорыва блокады произошла лишь одиннадцатого ноября следующего года. Миссия «Космос-21». Кстати, при подготовке сей погремушки впервые прямо привлекали аборигенные спецслужбы. Очень остроумная ловушка получилась, на мой взгляд, позволявшая резко сузить круг поиска подозреваемых.

– Да-да, я помню, как вы тогда не менее остроумно ускользнули из поля внимания аборигенской службы безопасности, – хозяин дома улыбнулся.

– Удача плюс осторожность, великое дело... Отказ на орбите, на траекторию межпланетного перелёта аппарат не вышел.

– Дальше.

Смена кадра.

– Миссия «Венера 1964А», старт был назначен на девятнадцатое февраля шестьдесят четвёртого года. Отказ при запуске.

– Дальше.

Ещё кадр.

– Миссия «Венера 1964В», старт первого марта того же года. Отказ при запуске.

– Повторяется.

– Что делать... Десять дней всего разницы по дате старта, когда бы мы успели переработать и внедрить новый сценарий?

– Ладно, что сделано, то сделано. Дальше.

Новый кадр.

– Миссия «Космос-27», запуск двадцать седьмого марта. Отказ на орбите. А что делать?

– М-да... действительно. Либо отказ при запуске, либо на опорной орбите. Дальше.

Смена кадра.

– Миссия «Зонд-1», запуск второго апреля того же шестьдесят четвёртого года. Поскольку дальнейшее использование пары типовых причин становилось уже прямо опасным, для разнообразия сценарий был изменён. Погремушка пролетела на совершенно безопасном расстоянии от Иноме, почти десять диаметров. Информационная ценность миссии практически нулевая.

– Гм... – Нинэтэр в раздумье почесал нос. – Ну, допустим. Дальше.

Снова смена кадра.

– Миссия «Венера-2», запуск двенадцатого ноября следующего, тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Погремушка ликвидирована на траектории межпланетного перелёта.

– Серьёзный разрыв по времени. Такая пауза... нет ощущения, что они выдыхаются?

– Отнюдь. Да вот, пожалуйста...

Новый кадр.

– Следующая миссия «Венера-3», старт шестнадцатого ноября того же года. Всего четыре тамошних дня, как видим. Чтобы сбить со следа уже довольно близко подобравшиеся службы безопасности аборигенов, сценарий ликвидации был подвергнут коренной переработке. По легенде, погремушка якобы достигла нашей Иноме, но уже в процессе спуска произошёл отказ. Так что информации у аборигенов Иннуру по-прежнему с кончик мизинца.

Пауза.

– Дальше.

Новый кадр.

– Миссия «Космос-96», запуск двадцать третьего ноября шестьдесят пятого года. Авария на орбите.

– Опять...

– А что делать?

– Ладно... Дальше.

Ещё кадр.

– А дальше совсем интересно. Миссия «Венера 1965А»¹, старт двадцать третьего ноября того же года. Авария при запуске.

– Подожди... вот так, практически одновременно?!

– Абсолютно точно. Нам удалось и в этот раз обезвредить погремушки, но капкан почти сработал. Пришлось эвакуировать Кунжада, над внедрением которого работали столь долго и кропотливо. Но что ещё хуже, подозрения тамошних особистов подошли к самой грани. Собственно, они бы уже должны были решить задачу, но инерция мышления не позволяет им, как они говорят, «опираться на сказочные версии» Сумасшедший псих, диверсант из страны-конкурента, маниакальный противник космонавтики – словом, всё что угодно, лишь бы не вмешательство инопланетного разума.

Пауза.

– Пойми, Нинэтэр. Дальнейшая работа в таком ключе становится невозможной. Шестнадцать попыток, две страны и куча различных аппаратов. И всё безуспешно. Ну чего мы добиваемся – чтобы аборигены Иннуру сделали наконец правильные и притом однозначные выводы?

Хозяин дома молча и внимательно изучал висящую в воздухе голограмму – корявый аппарат, сработанный полудикими аборигенами планеты Иннуру.

¹ Все описанные космические миссии, хронология запусков и официальные причины провалов взяты из реальных документов. (Прим. авт.)

– Мы очень рассчитываем на тебя, многоуважаемый Нинэтэр. Твой голос, как начальника Службы Неба...

– Конкретнее, пожалуйста.

– Куда уж конкретнее. Надо перестать тупо истреблять эти погремушки. Пора внедрять устойчивую легенду, однозначную для всех последующих аппаратов. Анализ грунта? Панорамы видео? Они их получают на радость учёным аборигенам Иннуру.

Пауза.

– Так можем мы на тебя рассчитывать?

Начальник Службы Неба задумчиво теревил собственный нос.

– Ты вот что, сбрось мне весь этот материальчик. Я должен хорошенько всё продумать.

* * *

– С возвращением, герой!

– Ну ладно уже, пап! Ну чего теперь, из-за одной игрушки неудачной мне всю жизнь кругом попрекать?

Отец разглядывал меня, слегка перекладывая голову с боку на бок, точно видел впервые. Или что-то новое на мнеросло...

– Ладно, не будем. Раздевайся, обустройвайся понемногу.

Скинув куртку и ботинки, я направился в свою комнату, на ходу стаскивая свитер. Стопка учебников и тетрадок лежала, как была оставлена, но на поверхности письменного стола уже успел скопиться тонкий слой пыли. Я провёл пальцем, поднёс к носу. Чихнул. Да, тут мои родители молодцы. Что бы я на столе ни начудил, никто в моё хозяйство не лезет. Ну разве что Ленка по малолетству...

– Ленка где, в садике?

– Ну где же ещё.

– Как она?

– Вечером увидишь, насладишься общением с родной сестрой. Вчера реветь вдруг удумала, кстати, – где Тоша, верните немедленно Тошу...

Я широко улыбался. Как ни крути, славная она растёт, Ленка. Люблю я её, вот что. И маму, и папу. Всех вас люблю, родные мои, вот так вот. А что не видно сразу, так переходный возраст у меня...

– Разговор один к тебе есть, Антон, – папа торчал в дверях с непривычно серьёзным видом.

– М?

– Вот это что, по-твоему?

Некоторое время я с нарастающим изумлением и интересом разглядывал девчоночью ночнушку. Мамина? Ни фига. На маму если эту тряпочку и получится натянуть и не порвётся она, то, пардон, ничего прикрыть не удастся. Ни сверху, ни снизу. Да что я, свою маму не знаю, что ли! Большой уже, не совсем дурак... мама такого фасона сорочку не наденет ни в жизнь, даже если бы у бати хватило смелости ей такое задарить. «Я вам не стриптизёрша в борделе, Эдуард Николаич!»

– Па, откуда это?

– Так это я тебя спрашиваю. Как эта вещь оказалась у нас в доме?

Я поднял глаза, честные, как у ангела.

– Па, я правда не знаю. То есть ничего про эту... гм... рубашку?

Некоторое время отец молча изучал моё лицо.

– Ну хорошо, – он со вздохом убрал куда-то с глаз долой подозрительную тряпицу. – Тогда второй вопрос.

Передо мной на стол легла фотка. Я взгляделся и вздрогнул. Голая, то есть совершенно голая девчонка лет двенадцати позирует перед объективом, закинув руки и слегка изогнувшись. Стройные длинные ноги, безупречно стройные на зависть тощим угловатым сверстницам, острые конические холмики не развитых ещё до конца грудей... чёрная густая шевелюра... тут даже подойдёт эпитет «буйная», вон какая копна на голове... И глаза. Совершенно невозможные глаза.

– Па... кто это?!

– Ну хватит, Антон. ЭТО было у нас в аппарате. Пока ты лежал в больнице, я тут решил перемотать и проявить плёнку, там пара нужных мне кадров оказалась. Проявил, просмотрел... Обрати внимание на интерьер. Или ты осмелишься утверждать, что это снято не в нашей квартире?

Отец резко поднял мне голову, держа пальцами за подбородок.

– Будем ещё отпираться? Кто она? Что вы курили?

Я не сделал ни единого лишнего движения.

– Пап... Ты можешь мне не верить. Потому что мне нечем доказать... Но я прошу мне поверить. Я действительно не знаю, кто она. То есть не помню её. Совсем.

Пауза.

– И я ничего не курю. Абсолютно. Один раз твои сигареты попробовал, только... и бросил. И водку тоже.

Вздыхнув, отец отпустил мой подбородок.

– Приходится верить... Если ты так гениально притворяешься, право, из тебя вырастет великий артист.

Я чуть улыбнулся, и язык мой вдруг извлёк откуда-то из недр памяти, самостоятельно выдав:

– Кто знает? Может быть...

* * *

Горячий дождь рушился с небес водопадом, грозя смыть всё живое. Стекланные струи мерцали призрачным голубым огнём, почти не угасавшим, раскаты грома сливались в сплошную канонаду. За прозрачной завесой рушащейся с небес воды гнулся к земле сад – деревья свернули листья, втянув уязвимую зелень в псевдопочки, но даже голые ветви с видимым напряжением выдерживали неистовый напор. Ручеёк, протекавший за садовой оградой, превратился в полноводную реку, кипящую под ударами мириад тяжёлых, как пули, дождевых капель. Время Ливней – самый неудобный сезон на прекрасной Иноме. Даже сейчас, когда Служба Спасения может прийти на помощь в любой момент, несчастные случаи случаются не так уж редко. В древние же времена участь путника, застигнутого в дороге Сезоном Ливней, была незавидна...

Вздыхнув, Иллеа отвернулась от прозрачной стены, щупая всё ещё влажные волосы. В углу валялся комком мокрого тряпья иннурианский наряд – «брючный костюм», это ужасное сочетание штанов и жакета, сброшенный впопыхах. Десяти шагов от места высадки из пузыря-гравилёта до двери хватило, чтобы промокнуть до нитки.

– Ну, так и будем молчать?

Вейла, сжавшись в гравикресле в комочек, угрюмо молчала. Непросохшие волосы тяжёлыми прядями падали на плечи, обрамляя бледное личико с плотно сжатыми губами. В груди у матери даже защемило от наплыва чувств.

– Так получается, что это я уже хожу в виноватых?

Дочь вскинула на маму глаза, блестящие от слёз.

– Зачем было в него стрелять, мама?

Иллеа вздохнула.

– Потому что у тебя хватило соображения показать ему тинно. Ты можешь обижаться сколько угодно, Вейла. Но на месте Ноллана я поступила бы так же. И потом, ему ничего не грозит. Наши помощники под видом... ну, не важно... организовали вызов тамошней Службы Спасения. Сейчас твой дружок уже пришёл в себя, я специально наводила справки.

– Дружок... – Вейла сглотнула слёзы. – Ты забыла сказать «бывший», мама. Он же меня забудет! Совсем забудет! Уже забыл!

Вздыхнув ещё тяжелее, мать опустила в мягкие объятия гравикресла рядом с дочкой.

– Подвинься...

Вейла молча уткнулась маме в грудь. Обняв дочь, Иллеа медленно перебирала её роскошные густые волосы.

– У него действительно остался твой портрет?

– Да... и платье...

Она вновь вскинула голову.

– И картинку у него тоже заберёте, да?

– Да успокойся, – Иллеа притянула голову дочери обратно к себе на грудь, и девочка притихла. – Не станет никто с этим возиться. Это же не тинно.

Воцарилось зыбкое молчание, нарушаемое лишь плеском дождя и перекатывающимся по небу грохотом грозовых разрядов.

– Хорошо, что папа сегодня не дома, – Вейла, вздохнув, прижалась к матери поплотнее.

– Кому-то хорошо, – чуть улыбнулась Иллеа, – а кому-то не очень. Мне нужно возвращаться на Иннуру.

– Тебе здорово влетит за меня, да?

– Уже влетело, – тихо засмеялась женицина. – Шеф был вне себя, что пришлось вызывать оперативную группу. Боюсь, теперь за ключом от тинно мне придётся каждый раз бегать по инстанции... не дадут домой... Твой папа, кстати, сторонник перехода на беспарольные ключи с системой опознания владельца...

– Вот видишь, мама. Хорошо, что я успела.

Они встретились глазами и разом прыснули смехом.

– Слушай, зачем ты крутилась там голышом? И снимок тоже. У аборигенов Иннуру это почитается неприличным, сниматься девушке обнажённой.

– Ну ты скажешь, мама. Какой же это портрет на память? Ещё не хватало, чтобы я выглядывала из этого жуткого мешка с рукавами!

Вейла вновь подняла на мать глаза.

– А может, он вспомнит?..

Иллеа чуть улыбнулась.

– Кто знает. Может быть... Тебе этого хочется?

Пауза.

– Да.

– Не думаю, что тебе удастся повторить свой сногшибательный вояж.

Пауза.

– Ты не права, ма... – девочка смотрела в стену ливня, озаряемую трепещущим грозным заревом. – Я обязательно вернусь туда.

– Хм?

– Я вырасту и тоже буду работать в Службе. Как ты, мама.

* * *

Жёлтые листья ковром устлали землю, блестя, точно лакированные. Нудный мелкий дождик моросил с серого неба, точно через сито, намокший капюшон болоньевой куртки ощутимо давил на голову. Генерал – а может, и граф – взирал на меня с барельефа хмуро и укоризненно: что, парень, проворонил своё счастье?

Вздохнув, я присел, осторожно разгрёб руками мокрое покрывало палых листьев. Нет, конечно... Даже следов от Борькиных растоптанных кедов не осталось. Откуда-то из глубины памяти всплыло киношное – «и дождь смывает все следы»... Ну вот, сталбыть. Смывает. И теперь уже не определить, видели тут ребята что-то, или поблазнилось им, или вообще решили меня разыграть, и только.

Меня вдруг пронзил дикий ужас. Я сунул руку в карман, вытащил из-за пазухи небольшую – девять на двенадцать – фотку, запакованную в прозрачную плёнку и судорожно перевёл дух. Уф... не поблазнилось. Нет, не растаяла бесследно та девчонка. Не бред... Но кто же она? Что делала в нашей квартире? Кто её снял-то в таком виде – неужто я сам? Отец? Отец, во всяком случае, не стал бы так зверски меня разыгрывать. Да и потом, среди наших знакомых этой вот девчонки не числится, точно вам говорю. И представить, что мой папа приводит какую-то девчонку-малолетку с улицы, раздевает догола, фотографирует... ночнушка эта ещё... нет, это круче любого бреда!

Я чуть улыбнулся. Спасибо тебе, папа. Как ты мудро скрыл от мамы и ту тряпицу, и это фото... И правильно. Не хватает ещё, чтобы мама извелась в диких догадках.

Я стёр с карточки водяную морось, неустанно сыпавшую с небес. Девочка с фото смотрела на меня улыбаясь, однако в глазах её плавала нездешняя грусть. Кто ты, знакомая незнакомка? Увижу ли я тебя вновь, хоть когда-нибудь?

И вновь откуда-то из недр покаленной памяти всплыло:

«Ктоо знааает. Моожет биить...»

Солнце, едва высунувшее из-за горизонта ослепительно-огненный краешек, превратило небеса в сияющий золотой купол. Среди цветов, умытых предутренней росой туманов, сновали стайки радужно расцвеченных птичек, оживлённо щебеча. Большущая, как тарелка, бабочка, споря с маленькими летуньями яркостью расцветки, порхала от цветка к цветку. Не спеша присела на край одного, вытянула хоботок, добираясь до сладкого нектара. Ярко-голубая, режущая глаз люминесцентным сиянием пчела с недовольным жужжанием кружилась подле, раздосадованная обилием конкурентов – им бы только пузо наполнить, а ей работать надо! До полуденного зноя не так уж много времени, надо успеть наполнить медовые соты...

Время Восхода – самый лучший сезон на прекрасной Иноме.

– Почтенная Иллеа, все собрались и ждут тебя!

– Иду!

Оторвавшись от созерцания рассветного сада, Иллеа ткнула пальцем в нужный сегмент ожерелья, быстро оглядела себя в возникшей рядом зеркальной стене. Строгое деловое платье нежно-зелёного цвета, плотно облегающее стан, бретели, сходящиеся на солнечном сплетении, длинный до колен передник, прикрывающий лобок... Длинные стройные ноги с сильными бёдрами, великолепные округлые плечи, роскошные высоко стоящие груди с торчащими сосками, обведёнными розовой люминесцентной краской... Да, не та уже девчонка смотрит оттуда, из-за зеркальной грани, совсем не та... И не надо говорить,

кстати, что на учёной конференции внешний облик докладчицы не особо важен. Красота – это страшная сила, и нужно уметь её использовать. Ну, вперёд!

Зал был полон на редкость. Четыреста голов обоего пола, не меньше. Возрос, заметно возрос интерес обитателей прекрасной Иноме к своей суровой соседке.

– Уважаемые коллеги! Я рада приветствовать вас здесь. Возможно, не все имели время ознакомиться с тезисами сегодняшней конференции, поэтому позволю себе напомнить вкратце – сегодня речь пойдёт о дальнейших перспективах деятельности Службы Контроля Иннуру.

В воздухе вспыхнула голограмма.

– Прежде всего следует отметить, что интерес аборигенов Иннуру к нашей прекрасной Иломе, несомненно, выдыхается. Аппараты, ещё не так давно запускаемые буквально косяками, отправляются к нашей планете всё реже. Совершенно прекратились дистанционные исследования в длинноволновом диапазоне, как пассивные, так и радиолокационные. Поскольку на нашей Иноме иннурийцы уже всё изучили, и состав облаков, и атмосферы, и почвы. И панорамы...

Смех в зале.

– А между прочим, совершенно напрасен ваш смех, уважаемые коллеги. Если кто не помнит – в первой миссии, имевшей целью передачу панорамных изображений, наша многоуважаемая Служба Неба решила не заморачиваться с созданием имитатора и просто использовать иннурийский аппарат. Аппарат, естественно, передал то, что в него ввели, и отключился. Гасящее поле, естественно, не применялось – зачем, если сам аппарат передаёт легенду?

И каково же было удивление наших сотрудников, когда среди переданных видеолегенды обнаружили ВОТ ЭТО.

Изображение на виртуальном экране поменялось – с плоского чёрно-белого снимка, очень грубого, почти схематичного, хитро таращил глаз попрыгай. Самый обыкновенный, каких держат в своих домах миллионы иномейцев.

– Вот до чего доводит дешёвая экономия. Очень хотелось бы услышать многоуважаемого шефа Службы Неба Нинэтэра.

Многоуважаемый Нинэтэр встал, имея непривычно пунцовый окрас лица, обычно бесстрастно-задумчивого.

– Это невероятный прокол, не отрицаю. Мы провели внутреннее расследование инцидента. Да, в помещение, где был размещён аппарат, проник попрыгай. Очевидно, заинтересовавшись объектом непривычного вида, он принялся долбить его клювом... Контакты примитивного механического реле замкнулись, и аппарат произвёл съёмку-передачу изображения – энергия в аккумуляторах была не исчерпана... Да что говорить! – махнув рукой, начальник Службы Неба сел.

– Самое скверное, что снимок растиражирован и рассован по множеству мест, достать откуда и исправить уже невозможно, – соски Иллеа осуждающе колыхнулись. – Наша Служба Контроля старается, конечно, но... Тамошний учёный, Ксанфомалити, – длинное иностранное имя Иллеа выговорила чётко, разделяя впечатывая слоги, – уже выдвинул предположение, что это снимок живого существа. Правда, его сослуживцы подняли на смех, но тем не менее... Прошу задавать предварительные вопросы, коллеги.

– Прошу слова! – поднялся один из сидевших в первом ряду. – Не отрицая вины нашей Службы Неба, всё же хочу заметить, что мир этот не таблица умножения, и место чуду в нём всегда имеется. Под чудом я подразумеваю цепь событий, каждое из которых маловероятно. И не все чудеса бывают со знаком плюс, к сожалению. Да вот, зачем далеко искать пример – не у тебя ли, многоуважаемая Иллеа, дочка стащила ключ от тинно, дабы попутешествовать по чужой планете?

* * *

– На этом конференцию позвольте считать закрытой!

Стукнув молоточком по бронзовому гонгу, председатель встал, и публика в зале разом зашевелилась. Иллеа, помедлив, тоже двинулась к выходу.

Снаружи по-прежнему царило дивное раннее утро. Солнце, кажется, и не подумывало выбираться из-за горизонта. Иллеа чуть усмехнулась, вспоминая восходы на Иннуру – чуть зажмурился, и вот он, уже полдень...

У самой гравилётной площадки стоял мужчина, приветливо махая рукой.

– Привет тебе, о прекраснейшая Иллеа!

– Да ну тебя в самом деле, Инмун! Полный зал сегодня, а родной муж не соизволил явиться!

– Ну видишь же, явился, – Инмун лучезарно улыбнулся.

– Когда?! Ну ладно доклад, но хоть на прения-то ты мог успеть? – Иллеа демонстративно отвернулась.

– Ну не смог, ну никак...

– Как там написал этот древний поэт-иннуриец: «И жалкий лепет оправданья».

– Ну ладно, не дуйся, – Инмун опустился рядом с женой на колени, обхватил её ноги, прижался щекой к бедру. – Прости нахального мальчишку, м?

– Пусти!

– Ну вот ещё. Никуда я тебя не отпущу, до края жизни. Ты же моя жена.

– Если жена, так можно щупать прямо на улице ляжки и задницу?

– Конечно. А ты небось и не знала?

Глава 2

Золотая осень

Заросли цветов здесь были ещё почти неотличимы от Иноме, но жара спадала буквально с каждым шагом – тинно, как обычно, приводит температуру к средней между точками входа-выхода. И горизонт с каждым шагом стягивался над головой, словно горловина мешка, свидетельствуя о приближении к точке бифуркации, центру тинно.

Стройная черноволосая девушка спускалась по узенькой, едва натоптанной тропинке. Ещё дюжина шагов, и она очутилась возле здорового синего камня, до половины ушедшего в землю. Совместитель пространств – центр тинно, его сердце.

Вейла извлекла из-за пазухи связку амулетов, тронула один – воздух в трёх шагах от неё словно загустел, превращаясь в зеркальную стену. Девушка придирчиво оглядела себя. Серый строгий костюм – юбка до колен с небольшим разрезом сзади, жакет, белая блузка, маленькая, будто игрушечная сумочка на тонком ремешке... туфли-лодочки на длинных стройных ногах... колготки, это порождение извращённого ума аборигенов Иннуру... Вzbодрила рукою роскошную гриву чёрных, как смоль, волос. Ну, вроде бы всё в порядке...

Она улыбнулась, вспоминая. Да-да, было такое – заявила ведь в чужой мир в своём детском парадном платьице... А чего? Очень даже скромное платьице было, кстати, живот закрыт, лобок закрыт, даже межъягодичная складка прикрыта – куда уж строже... Это сейчас она в курсе – девушка в подобном наряде просто обязана быть задержана местными стражами порядка. Здесь, на Иннуру, женщинам вообще нельзя появляться на людях с открытой грудью. Да что там грудь – тут есть ещё более дикие страны, где женщинам нельзя показывать лицо!

Ну а насчёт теплоизолирующих свойств одежды... ну откуда было девчонке знать, что они вообще имеют место быть? Никогда на прекрасной Иноме не заморачивались таким вопросом. Ну разве что альпинисты, покоряющие самые высокие вершины... Но тот холод она запомнила на всю жизнь. Жуткий, убийственный, космический холод, проникающий внутрь, мохнатой лапкой гладящий сердце... брррр!

Зеркальная стена заколебалась, заструилась, словно ртуть, и вместо отражения молодой девушки возникло изображение парнишки. Совсем ещё зелёного, считай мальчика, лет четырнадцати, не больше. Если бы не этот абориген, Антон его звали, не видать бы больше глупой иномейской девчонке своей тёплой Иноме...

Вейла вновь улыбнулась. Как он тогда обалдел, сообразив, что она намерена позировать ему обнажённой... И невдомёк было мальчишке, что, в отличие от его плоско-статичного фотоснимка, гостя записала на видео целый голографический фильм, всё от начала до конца, и всё до последней соринки в углу дикарской квартиры запечатлелось...

Она отыскала в связке амулетов крохотную фигурку. Стекланный слоник... единственная простая вещица среди магических амулетов, навороченных криптотехникой по самое не могу. Вот только не надо говорить, что эта стекляшка бесполезна. Там, внутри, таится её удача. Что порой важнее всех силовых полей, отражателей и гравиконцентраторов с парализаторами вместе взятых.

Вздохнув, Вейла погасила зеркало-экран и двинулась на подъём. Да пребудет со мной удача... помоги мне, маленький слоник...

«Микма» нудно жужжала, очищая заросли двухдневной щетины, и я то и дело морщился – щиплется, зараза... Сетку пора поставить другую, вот что.

Закончив возить электробритвой по лицу, я свернул шнур, открыл нижний ящик письменного стола. Но прежде чем положить прибор на место, нашарил рукой в глубине и вытащил на свет старый блокнот в обложке из тиснёной кожи. Медленно открыл, воровато оглянувшись, осторожно выдвинул из-за обложки плотный листок глянцевого картона. С любительской цветной фотографии, уже слегка выцветшей, на меня глядела девчонка-малолетка, позировавшая фотографу совершенно голой. Порно? Бросьте. Порно – это в Эрмитаже у Рубensoв всяких... Глаза, какие невозможные у неё глаза.

И всё это снято в нашей квартире. Загадка века. Откроется ли мне эта тайна когда-нибудь?

Я чуть улыбнулся юной незнакомке. Ладно... до вечера, моя невозможная тайна.

– Ленка, вылезай уже! Сколько можно баландаться? Я опаздываю!

Шум воды в ответ только усилился.

– Лен, кроме шуток! Это уже неприлично! Меня автобус ждать не будет! Ты что, хочешь поломать только начавшуюся блестящую карьеру собственного брата? Короче, даю обратный отсчёт! Десять! Девять! Пять! Два!..

– На-на-на-на! – Ленка, отжимая рукой мокрые волосы, выскочила из ванной, кутаясь в обширное махровое полотенце. – Ты вообще-то бессердечный тип, Тошка, ради минутного профита готов родную сестру голой выгнать...

– ... На улицу, на сибирский мороз и толпе на поругание! – логически достроил я фразу. Ответных возражений мне услышать не удалось, поскольку я уже стоял под лейкой, и шум воды заглушил голос сестрички. Славная вообще-то девушка растёт, грех худое слово молвить. Но трудный возраст опять же, выпускной класс...

Покончив с водными процедурами, я направился на кухню, на ходу досушивая волосы полотенцем.

– Тошка, ты сегодня во сколько со службы вернёшься? – Ленка, подобно Наполеону, уже делала три дела кряду. То есть сушила волосы феном, лопала бутерброд с сыром и маслом и листала какую-то тетрадку.

– Да пёс его знает. У нас сейчас аврал, изделие к отправке готовят.

– Ой-ой, можно подумать, ты там самый коренной! Как Королёв...

– Ну не самый, но и не сказать, что вообще не при делах. А ты чего хотела-то?

– А чтобы ты меня свозил в одно место. Там итальянские шмутки обещают!

– Отца спрашивала?

– Некогда ему. Была бы мама не в командировке, мы бы с ней скатались... Папка сказал, ключ от машины оставит. Свозишь?

– Не могу твёрдо обещать. Честно, боюсь обмануть. Обещал и не женился, хуже, чем не обещал... Но постараюсь. Ну пока-пока! – я уже на ходу запихнул в себя последний кусок бутерброда.

– Так я жду, не забудь!

Поздний сентябрьский рассвет уже вступил в свои права, окрашивая небеса бледным золотом. Зябко поёживаясь от утреннего холода, я торопливо преодолел расстояние от родного дома до метро и нырнул в стеклянный вестибюль. Да, станция «Кунцевская» – верхушка айсберга, подземного монстра, раскинувшего свои щупальца подо всей столицей, и лишь кое-где эти щупальца выпирают на свет божий.

С нарастающим железным грохотом подкатил поезд, сбавляя ход. Створки дверей, недовольно шипя, разошлись – точь-в-точь сварливая хозяйка, нехотя приглашающая проходить незваных гостей.

– Простите... разрешите... – я ловко обошёл конкурентов, протискиваясь в распахнутые двери. Уф... как говорил Гагарин: «Поехали!»

Сидячие места, как и следовало ожидать, были уже заняты. Жаль... сидя кемарить вообще-то удобнее. Но можно и стоя, отчего ж... кто был студентом, тот поймёт.

Между тем гигантский червяк с гулом нырнул в червоточину туннеля, и зябкий рассвет мгновенно померк, сменившись непроглядным мраком, изредка разрезаемым вспышками путевых ламп, развешанных по стенкам тоннеля.

– Станция «Киевская»! – прервал диктор вольный бег моих размышлений.

– Р-разрешите! Пр-ропустите!

Не знаю насчёт прочих граждан, но у меня лично станция «Киевская» в утренний час пик всегда вызывает одну и ту же устойчивую ассоциацию. А именно – гигантский противотомный бункер в самый разгар мировой ядерной войны. Ну в самом деле, невозможно представить, что все эти толпы народа устремлены к мирному созидательному труду. С такими-то выражениями лиц, ага... Вот эта гражданка, к примеру, явно проводила на фронт мужа и минимум трёх сыновей и сейчас едет точить для них снаряды – губы плотно сжаты, мрачный огонь тлеет в глазах... А вот этот гражданин, в трёхдневной седой щетине и заношенных до состояния асфальта штанах, и вовсе беженец, чудом уцелевший под ударом мегатонной бомбы...

– Р-разрешите! Пардон!

– Молодой человек, аккуратней! Вы же мне колготки порвали!

– Ну, не мелочитесь, мадам!

– Молодой, а уже такой наглый!

– Станция «Белорусская»! – прервал динамик назревающий мелкий скандалчик.

Да, вот так и начинается теперь каждый мой трудовой день, с подземного пути. Как и миллионов прочих трудящихся славного города Москвы. Нырок в подземелье, эскалатор, пересадка, трясущийся и грохочущий состав, ещё пересадка... Удивительно, как люди обходились без метро... ехать бы так и ехать, сплошное удовольствие...

– Станция «Речной вокзал»! – бодро провозгласил динамик. Страхнув остатки утренней расслабухи, я двинулся на выход. Подземная часть ежедневного пути – самая длинная, но и самая лёгкая. Остался последний дюйм...

Народ на автобусной остановке уже толпился, нетерпеливо поглядывая на часы и вытягивая шеи. Ну где, ну где же он, спасительный автобус?! Опаздывать на службу никак нельзя, попасть к восьми-ноль-ноль на рабочее место – это святое, чуть позже – это всё равно что в футболе мяч руками ловить... грубейшее нарушение... А, наконец-то!

Округлый, как кусок изрядно попользованного мыла, старый автобус, дребезжа, подкатил к остановке, с шипением раскрыл перепончатые двери.

– Позвольте... простите...

Втиснувшись кое-как в уже изрядно набитое трудящимися нутро, я отвоевал себе место, ухватился за поручень. Автобус дёрнулся, скрежеща коробкой скоростей, и покатил далее, слегка подпрыгивая на колдобинах. Вообще-то я не поклонник автобусов, и если не удаётся попользоваться отцовским «жигулёнком», предпочитаю метро. Однако сейчас он мне как нельзя более удобен, потому что никакого другого транспорта, способного доставить меня почти к самому порогу родного предприятия, не существует. Теоретически ещё можно, конечно, добираться на электричке... если кто-то страдает острой тягой к мазохизму. Нет, кто спорит, с Речного вокзала добираться в Химки тоже не сахар, но всё-таки... Почему в Химки? Да потому, что работаю я теперь в Научно-Производственном Объединении имени С.А. Лавочкина. Да-да, все буквы прописные-заглавные, у нас других букв не держат. Да-да, именно в том самом. И не надо делать такие круглые глаза. Не боги горшки обжигают. Тем более что до красного диплома я не дотянул по чистой случайности. Ну а то, что пока я не главный конструктор, так это дело наживное.

Кстати, вот прямо сейчас у нас готовятся к отправке на космодром аппараты, которые перевернут всю историю мировой космонавтики. Ну хорошо, хорошо, не всю – но что-то точно перевернут. Проект «Вега», слышали? Головокружительной сложности миссия – исследование кометы Галлея и попутно при пролёте – Венеры. Аэростатный зонд, впервые в мире и прочее... И вот это чудо я делаю собственными руками. Ну, не я один, конечно, и не руками в буквальном смысле... у нас руками вообще мало что можно трогать, там стерильность круче, чем в операционной у нейрохирурга... короче, причастен. Что именно делаю? Увы, не могу удовлетворить ваше любопытство. Подписку давал о неразглашении.

Автобус между тем неспешно приближался к цели, ещё немного – и покажется помпезное четырёхэтажное здание в стиле сталинского ампира, с монументом перед главным входом... сколько там на моих золотых, не опаздываем?

– Молодой человек, осторожней! – Стоявшая впереди девушка поправила серьгу, которую я зацепил рукавом.

– Ох, извините...

Она обернулась ко мне, и меня будто прошило током. Нет. Нет-нет. Не может быть. Ну не может такого быть!

– Простите, вы выходите? – голос чистый, певучий, и никакого акцента... чёрт, я брежу, при чём тут акцент?! С какого бодуна я решил, что она должна говорить с акцентом?! Нет... постой... неправильно сформулирован вопрос...

– Так выходите или нет? – в её голосе проклюнулось нетерпение.

– Я... это... ага...

– Ну так продвигайтесь, уже остановка!

Не дождавшись от меня осмысленной реакции, она змейкой проскользнула мимо, прижавшись на мгновение всем телом.

– Стойте, не закрывайте!

Девушка выскочила в уже готовую закрыться дверь, и только тут я обрёл способность к действию.

– Стооой!!!

– Бля, чувак, спать дома надо!.. – похоже, кому-то я оттоптал обе ноги.

Вывалившись из автобуса, я дико заозирался. Девушка между тем уже успела перейти улицу и сейчас быстро удалялась – серый жакет мелькал среди прохожих. Не тратя более зря ни секунды, я ринулся вдогонку. Только не упустить. Только не упустить!

Сейчас раскроется загадка, мучившая меня столько лет. Конечно, время меняет людей. Но не настолько, чтобы я её не узнал, ту девчонку с фотографии. Ошибка? Даже не смешно. Это у Хазанова могут быть двойники, и точных копий Мурлин Мурло можно набрать хоть полсотни. А вот вторых таких глаз на всей Земле быть не может.

Девушка между тем передвигалась с удивительной быстротой, стремительным скользящим шагом. Вроде бы шла, а не бежала, но обходила самых торопливых пешеходов легко и непринуждённо, как «жучка» трактор. Чтобы не отстать, мне приходилось то и дело сбиваться на бег трусцой. Люди удивлённо оглядывались мне вслед... а, наплевать! Не упустить, только не упустить...

Прохожих между тем становилось всё меньше – мы удалялись от мест утренней концентрации трудящихся, рвущихся своевременно занять свои рабочие места. Я вдруг отчётливо понял, что девушка не просто спешит куда-то и даже не убегает от меня, стремясь «сорвать с хвоста» цепкого, как репей, парня. Уводит она меня, сознательно уводит прочь от оживлённых улиц. В тёмные закоулки, где нет лишних свидетелей.

Да наплевать! Всё это ерунда. И опоздание на работу ерунда. Сейчас главное – не упустить...

А она уже стояла, чуть расставив ноги, и на пальце сжатой в кулак руки блестел невзрачный камушек дешёвенького перстня. И никого, ни единой души вокруг.

– Ну что ты за мной всё идёшь... – в голосе нет ни страха, ни злобы. Только бесконечная усталость.

И вновь меня будто пронзило электроразрядом с головы до пят. И будто рухнула китайская стена, намертво отделявшая меня от загадки. И в голове само собой всплыло имя.

– Здравствуй, Вейла.

Она безвольно опустила руку, сжатую в кулак. С перстеньком на пальце.

– Ты иди, Антон. Правда, иди. Тебе надо на работу.

Я чуть улыбнулся. Виновато и растерянно.

– Прости, Вейла. Я просто так не уйду. Тебе известно, что такое амнезия?

Пауза.

– Я искал тебя все эти годы. Искал, не помня имени. Так что стреляй.

– Да иди уже, вот мучение! – сорвалась она почти на крик. – Светлое небо... ну что мне делать... Ну хорошо, сегодня в девять вечера – устроит?

– На том самом месте? – криво пошутил я.

В её глазах зажглись огоньки.

– Ты это сказал. Не я. Хорошо, пусть будет так. На том месте, где ты меня встретил впервые. В девять. Сегодня. Иди уже наконец!

* * *

– ...Это всё понятно. Непонятно другое. Почему ты не стреляла?

Вейла, сидевшая в кресле с ногами, угрюмо молчала, поджав губы.

– Отличница подготовки, ни единого возражения у членов комиссии... – импозантный мужчина лет сорока с густыми волнистыми волосами выглядел не на шутку расстроенным. – Столько труда в тебя вложено... Боюсь, что ты не в состоянии оценить, чего стоило твоё внедрение именно на это предприятие.

– Примерно в состоянии.

– Ах, оставь! В состоянии она! А то, что своим деянием – точнее, бездействием – ты поставила под угрозу ни много ни мало инкогнито Иноме, это ты осознать в состоянии?!

– И нет раскаяния во мне, вот что страшно, – девушка вскинула горящие сухим огнём глаза. Резидент поперхнулся.

– Здесь, на Иннуру, у аборигенов имеется расхожая фраза: «Наглость – второе счастье». Ты уверена, что это относится и к тебе?

Пауза.

– Ведь вполне возможен и другой вариант. Скажем, завтра ты напишешь заявление об уходе и после всех положенных процедур в отделе кадров уедешь в Финляндию, чтобы там выйти замуж. После ухода из поля внимания местных спецслужб уже совершенно спокойно и тихо исчезнешь, вернувшись на благословенную Иноме. Как тебе такая программа?

– Многоуважаемый Инбер, могу ли я вставить хоть слово? Или дальнейшее общение со мной будет протекать с использованием телепататора?

– Говори, отчего же, – резидент откинулся в кресле. – Не хватает мне ещё копать в твоей прелестной головке... тут своя трещит, сил нет...

– Тогда по пунктам. Пункт первый и главный – утрата инкогнито. Что, собственно, изменилось? Он вспомнил моё имя. Вероятно, та детская фотография не позволила размыться и улетучиться образу, теперь толчок, и подточенная временем амнезия рухнула. Ну и? Он будет молчать.

– Девчонка! – взорвался Инбер. – Глупая самонадеянная девчонка! Как ты можешь утверждать что-либо насчёт действий аборигенов, абсолютно не зная их! Они непредсказуемы! Даже я, с моим стажем работы на Иннуру, не взял бы на себя такую смелость!

– Прошу прощения, многоуважаемый, – глаза Вейлы сухо блестели. – Я всё-таки знаю одного аборигена. Вот его.

– С ума сойти. И как долго ты его знаешь?

– Двенадцать лет.

– Ну-ну...

Вейла вновь вскинула глаза.

– Вот ты сейчас вполне можешь сломать мне судьбу, Инбер. И формально будешь прав. Буква инструкции нарушена, абориген не отправлен в амнезию парализатором... А то, что я вот этим вот выстрелом могла убить наконец его любовь, это как? Ведь он все эти годы любил меня. Имени не помня, ничего не помня, любил.

– Гм... и всё это ты там, в том закоулке поняла?

– Да. Вынуждена напомнить, у нас, на Иноме, любовь священна. И потому нет во мне чувства вины. Даже если ты отправишь меня обратно, сломав мою мечту – работать здесь, на Иннуру. Как мама...

Пауза.

– Только ты не ломай мою мечту, Инбер, – теперь девушка говорила совсем тихо. – Ну много ли желающих работать тут, в диком мире? Когда-то тебе пришлют замену... если вообще пришлют... и сколько времени займёт внедрение? Аппараты же уйдут без контроля.

Пауза.

– Ты бьёшь по болевым точкам, – резидент закрыл глаза. – Шантажистка... Уж как я обрадовался, что мне подобрали такую способную практикантку... Ладно. Первый пункт не закрыт, просто отложен. И пока ты не докажешь свою полную правоту... Перейдём к пункту два. Не мнись, я же вижу: в твоей голове эта мысль уже дырку провертела.

– Он станет мне помогать.

– О как. Напомни-ка мне соответствующий пункт инструкции, вкратце.

– Вербовка аборигенов возможна только под легендой. Втёмную.

– Ну и? Ты не согласна?

– Не бывает правил без исключений. До сих пор ведь не бывало такой уникальной ситуации, Инбер. Он любит меня.

Пауза.

– Гм... а что? – резидент перешёл на русский язык. – А может, и вправду наглость второе счастье? Короче, можешь отправляться на своё свидание.

– Спасибо, шеф! – девушка тоже перешла на русскую речь. – Разрешите готовиться, шеф?

– Скройся с глаз!

* * *

– ...Мало того, что вы сегодня опоздали, так ещё и задержаться на час после работы вам в тягость! У нас, если вы не забыли, рабочий день не нормирован!

– Ну Владим Иосич! Ну правда, мне край надо! Вот завтра хоть на четыре! И всё будет сделано!

Шеф посопел.

– Ладно, идите, Привалов.

– Спасибо, Владим Иосич!

Не давая шефу возможности дать задний ход, я ринулся к выходу.

Коридоры на глазах наполнялись народом, сотрудники галдели, переговариваясь, отдельные реплики тонули в общем гуле. Лавируя меж трудящихся, стремящихся поскорее покинуть свои горячо любимые рабочие места, я несколько раз зацепил кого-то локтем, на ходу извиняясь, на лестнице мне пришлось приложить гигантские усилия, чтобы не заскакать вниз козликом, через две ступеньки, точно школьник. Внутри всё у меня дрожало от нетерпения. Вейла... Кстати, Ленку таки придётся свозить за итальянскими шмутками, нечего попусту огорчать родную сестрёнку. А потом высажу её возле дома с покупками, и на авто – к ней... нет, но насчёт «того же места», это я жутко сдуру ляпнул, язык мой – враг мой... свидание в глубине кладбища, да уже в темноте – это ж романтичней и придумать невозможно...

Округлая мыльница автобуса уже подкатывала к остановке.

– Пр-ростите! Р-разрешите! Пардон!

Отвоевав себе место под поручнем, я уцепился за никелированную трубку и немедленно принялся озираться. Нету? Нету... как жаль...

То, что мы с ней встретились именно тут, в этом автобусе, в утренний час пик, говорило о многом. Она работает где-то тут, и скорее всего мы с ней коллеги. И не надо никаких возражений. Ну в самом деле, для чего ещё молодой красивой девушке лезть в нутро колымаги, набитой невыспавшимися тружениками, в столь ранний час? Это надо быть мазохисткой, в такое время без крайней нужды кататься...

За немытым окном автобуса уже мелькали пейзажи московской окраины. Я чуть улыбнулся – да, здорово изменился наш город-городок с той поры... С того дня, когда один земной мальчишка, ввязавшийся в дурацкий спор, остался ночевать на могилке, а одна венерианская девчонка, стащив у мамы ключ от стратегического объекта под названием тинно, явилась на чужую планету, одетая в вызывающего вида тряпицу... Вместо пустырей и неказистых домишек, возведённых в суровую послевоенную пору, взметнулись ввысь жилые корпуса... что-то меня сегодня на высокий слог так и тянет... и сердце молотит, как компрессор...

– Вы выходите? Р-разрешите!

Вот интересно, как это я раньше не замечал, насколько медленно ползут эскалаторы. Поезда метро тоже, впрочем... грохоту много, а толку чуть. Прямо конка какая-то дореволюционная, чесслово...

– Следующая станция «Кунцевская»! – сообщил динамик. Ой, да не может такого быть... я уж почти утратил надежду, что когда-нибудь приедем...

Оставшееся расстояние от метро до родного дома я преодолел рысью. Оставил ли отец машину? Вдруг забыл или передумал? Мало ли... Ага, вон она, стоит, наша «шестёрочка»!

– Лен, ты дома? Не передумала чего хотела?

– Тошка! – сестрёнка выкатилась из спальни сияя. – Не подвёл, молодец какой! – в избытке нежных чувств она щедро чмокнула меня в нос.

– Не обещал да женился, однако, – ответно улыбнулся я. – Ключ от «жучилы» где? Ага... Ну, жду тебя в машине!

– Я сейчас! Я мигом!

Как всё-таки удачно получилось с машиной, думал я, прогревая мотор. Обычно отец довольно ревниво смотрит на мои поползновения насчёт авто, хочешь кататься – будь добр, обоснуй целесообразность вояжа... А тут всё законно.

– Поехали! – Ленка птичкой впорхнула на переднее сиденье, захлопнула дверцу. Я критически оглядел её наряд – колготки, туфельки, короткое по самое не могу платье-«резинка» и джинсовая курточка. Трудный возраст, однако...

– Папа с мамой разрешили тебе так ходить?

– Нахал ты, Тошка! – возмущённо вспыхнула девушка. – Там же всё мерить придётся, что я тебе, костюм-тройку должна надеть?

Вздыхнув, я врубил передачу.

* * *

Чёрный кофе в кружке исходил густым паром. Вейла отхлебнула напиток и поморщилась. Чего в нём находят аборигены? Хотя да, тут же присутствует кофеин, оказывающий на людей тонизирующее действие... А вот на неё, Вейлу, ни в малейшей мере. И хорошо, и не надо. Тут, на Иннуру, сама жизнь тонизирует, только держись... Вот сегодняшний инцидент, к примеру, и разговор с наставником. Нет, но откуда он так неожиданно вывернулся, надо же, какая встреча... Судьба это. Судьба, не иначе. А впрочем, раз он трудится в этой же конторе, встреча так или иначе состоялась бы. Рано или поздно.

Она ткнула пальцем в нужный амулет на груди, и в воздухе вспыхнуло изображение – молодой парень, уцепившись за поручень в переполненном автобусе, таращит глаза на нечто, находящееся за кадром. С видом полного и безусловного обалдения. Не забыл, надо же... Антон...

Кофе окончательно остыл, став уже совершенно невкусным. Вздыхнув, Вейла отодвинула кружку, встала из-за кухонного столика. Оглядела свои владения. Н-да... тесновата коробочка. Но вообще-то по меркам аборигенов она весьма состоятельная девушка – ещё бы, двухкомнатная квартира в столице! По легенде, жилище это досталось ей по наследству от умершей бабушки – да-да, здесь бабушки умирают очень рано. Все документы – это тут такие раскрашенные квадраты бумаги, сделанной из размочаленной древесины, – оформлены безукоризненно. Наставник Инбер вообще мастер внедрять легенды, тут мне у него учиться, учиться и ещё три раза учиться...

Ладно. Пора собираться на свидание. Вот интересно, как они тут ходят всё время в одежде? И даже дома всегда в одежде, это же какой дискомфорт...

Подойдя к зеркальной стенке, девушка повернулась одним боком, другим. Отставила ногу, выставив вперёд бедро. Закинув руки за голову, повторила процедуру. Вздохнула буйную шевелюру. Улыбнулась собственному отражению. Хороша, чего там лукавить, весьма хороша. Даже по меркам Иноме весьма хороша, а уж про Иннуру, где полно некрасивых, а иногда и просто уродливых женщин – не умеют пока аборигены очищать собственный геном от всякого хлама, – и подавно речи нет.

Вейла распахнула шкаф и принялась в нём рыться. Так, что тут у нас в наличии... сарафан, это уже не по сезону, уже сентябрь... может, надеть брючный костюм? Строго – дальше некуда, дальше только мешком голову замотать, как это делают здешние аборигенки в некоторых странах... Нет, не станет она надевать мешок и брючный костюм тоже – это же прямое надругательство над девушками, заставляя их вот такое носить... А может, надеть вот эту мини-юбку? Это уже не надругательство, вполне даже терпимо, ноги открыты по крайней мере... и курточку вот эту, с заклёпками...

Вздыхнув, она вытащила из шкафа серый деловой костюм с юбкой до колен и белую блузку. Вот так, и нечего тут раздумывать. Надёжно и просто, как железобетон.

* * *

– Тоша, глянь? Да зайди сюда, не бойся!

Ленка вертелась перед зеркалом в тесной примерочной кабинке так и этак, то изгибаясь, то закидывая за голову руки. Чёрное платье длиной до колен с блёстками и длинными рукавами плотно облегало фигурку.

– Коко де Шанель, вылитая.

– Не, правда? Мне тоже нравится. Всё, берём!

– Только это ж ненадолго. Порвётся по шву.

– М? Почему это?

– Через год у тебя попа разъедется, и всё, привет.

– Дурак ты, Тошка! И невесты у тебя никогда не будет с твоим языком!

– Да ладно-ладно, шучу я, не видишь! – я обнял сестрёнку, гася её сердитость. – Ну всё или ещё что-то примерять будешь?

– Я бы за, а деньги?

– В корень глядишь, – одобрил я. – Настоящей хозяйкой растёшь! Девушка, можно вас! – высунувшись из примерочной, подозвал я продавщицу. – Мы берём! И это, и это!

Расплатившись на кассе, я подхватил пакеты с покупками и двинулся на выход. Ленка, уцепившись под ручку, козочкой топала новенькими туфельками – не утерпела-таки до дому. Я щедро улыбался ей – всё-таки приятно доставить радость собственной сестре.

Часы на приборной панели показывали без десяти восемь. Так, пора...

– Ты прямо весь сегодня какой-то таинственный, Тошка, – сказала вдруг Ленка. – Прямо будто светишься изнутри. И почти не хамишь даже. Ты не девушку подцепил часом? Я улыбнулся ей.

– Твоя пронизательность приводит меня в священный трепет. Свидание у меня сегодня. В девять.

– Не, серьёзно? Ура-ура! У моего брата наконец-то появилась девушка! А как её зовут?

– Ты сиди давай ровно, не ёрзай. Всё тебе надо знать. Придёт время...

– Ну, Тоша, ну правда! Ну как её зовут, а?

– Вейла её зовут.

– Ого себе... так она из Прибалтики, что ли?

– Ну примерно так, – не стал я спорить.

– Красивая?

– Очень, – совершенно искренне сказал я. – Только ты не трепись дома, ферштейн? Маме особенно. Ничего не ясно ещё.

– Это надо по дереву постучать! – Ленка без затей постучала мне по голове. – Пусть тебе повезёт, братик.

Я уже въезжал в родной двор.

– Значит, так. Ты давай сейчас домой, а я поехал. Папе скажешь, что вроде как на свиданку, а больше ты ничего не знаешь. Якши?

– Якши, барсакельмес!

* * *

– Садись, красавица!

Чернявый усатый молодой человек весьма разбитного вида, перегнувшись через салон, гостеприимно распахнул правую переднюю дверь помятой «копейки». Помедлив долю секунды, Вейла уселась на сиденье, захлопнула дверь.

– Куда едем?

– На кладбище, – мило улыбнулась девушка.

– Ха-ха! Отличная шутка. А конкретнее?

– Рябиновая улица.

– Это где?

– Ну тогда для начала прямо.

– Не вопрос. Десять рублей и полетим как птица!

– Аналогично. То есть не вопрос – десять.

– Вот люблю такой разговор! – водитель врубил передачу.

За окном проплывали многоэтажные городские кварталы, расцвеченные квадратами светящихся окон, уличные фонари изливали мертвенно-голубоватый свет своих ртутных ламп на серый асфальт. Нет, как ни крути, дико и непривычно... только что был день, и вот уже ночь. И снова день, только успевай моргать... Трудно привыкнуть к такому вот мельтешению. Но ничего, мама же работала, и она, Вейла, сможет...

– Тут направо, пожалуйста.

– Тебя как звать-то, красавица?

Вейла чуть поморщилась. Ну что такое, в самом деле... опять одно и то же... Ну хорошо бы просто имя спросил. А то ведь сейчас начнёт приставать с ухаживаниями да предложениями. Точно начнёт, видно же мыслишки в его голове. Ладно, ты сам этого захотел, человек...

– Познакомиться хочешь?

– А то!

– Сейчас налево... да, тут. Марина меня зовут.

– Роскошное имя, чесслово! А меня Аркадием звать. А когда бы мы могли встретиться, Мариночка?

– А у тебя какая группа крови?

– А? Э... в смысле?

– В прямом. Ну в поликлинике же говорили тебе? В армии там или ещё где?

– Ы... вторая вроде... а это зачем?

Вздыхнув, девушка протянула руку, просто и естественно пальцем пощупала шейную артерию водителя.

– Пока просто так.

– Интересные у тебя шутки, – владелец авто был явно озадачен.

– Ну отчего же непременно шутки, – улыбнулась девушка. – Может, это всерьёз.

– Э... постой, а куда мы?... – наконец сообразил водила. – Тут вроде кладбище...

– Ну туда и направляемся, я же сразу сказала.

– Ночью?!

Вейла уже нащупала в разрезе блузки нужный амулет.

– А нам, вампирам, ночь самое то.

Она сжала прибор пальцами. Секунду-другую шофёр непонимающе таращился на пассажирку, но в глазах его уже волной нарастал дикий, ирреальный ужас.

– Ааааааа!!! – визг тормозов. Распахнув дверцу, Аркадий выпрыгнул из машины и ринулся прочь, не разбирая дороги. Вздыхнув, Вейла также покинула брошенный экипаж. Батарейка ужаса – отличный приборчик, что ни говори. Жаль, её крайне проблематично использовать при скоплении народа. Паника при этом возникает дикая, и даже возможны жертвы.

Ладно, тут осталось уже пустышки. Пешком дотопаем.

Ворота усыпальницы были закрыты, однако рядом в ветхой ограде зияла обширная брешь. Пройдя через неё, девушка направилась в старую часть кладбища, уверенно выбирая дорогу. Света, исходящего от ночного спутника планеты, под сенью деревьев уже почти не оставалось, и мир вокруг сейчас выглядел сложным набором светящихся тепловых пятен. Да, аборигенам Иннуру в такой темени без искусственных источников света делать нечего, только на ощупь пробираться... Впрочем, столь быстротечную ночь, как на Иннуру, вполне

можно пересидеть в помещении. Да просто проспать, всего и делов. Это обитателям Иноме без теплового зрения пришлось бы туго. Особенно во Время Туманов, когда не помогут никакие искусственные светильники. Это тепловым лучам туман не помеха...

Яркое тепловое пятно выделялось издали, сияя среди уже сильно остывшего пейзажа. Вейла нащупала нужный медальон, и тепловое пятно рывком приблизилось. Рассматривая увеличенное квазиоптическим преобразователем изображение, девушка чуть улыбнулась. Ну что, Антон... ты сам выбрал место свидания.

Она вдруг почувствовала прилив озорства. А ну-ка!

Вейла скинула туфли, за ними последовали колготки и железобетонно-серый костюм. Ух... прохладно, да... Надо же, как удачно, и короткая ночная сорочка украшена разрезами по бокам. Всё как тогда. Ну держись, дружочек мой Антон!

* * *

Фонарик вырывал из темени то разлапистый куст, то ствол дерева, то буйные заросли кладбищенской травы, однако из этих фрагментов общей картины окружающего пространства не получалось. Фонарик, если разобраться, скорее мешал, забивая и без того немощный свет луны, низко висящей над горизонтом. Чёрт, не заблудиться бы... дурак, ох, и дурак же я... сделал, что называется, интересное предложение... место встречи изменить нельзя, ага... Ну я-то ладно, дуракам и положено страдать, а ей за что? Заблудится здесь... как тогда...

Отыскав наконец то самое захоронение, я нащупал калитку и с силой потянул. Ржавое железо отозвалось недовольным истошным визгом, в кронах деревьев проснулись и заглади вороны. Да, всё, как тогда...

Генерал – а может, даже и граф – смотрел на меня с барельефа хмуро и настороженно, будто подозревая в готовящемся осквернении могилы. Я чуть улыбнулся ему виновато – ну ты прости, мужик... совсем немного оскверню, ежели что. Вот посижу тут немного...

Мраморная плита уже вобрала в себя промозглый холод осенней ночи, и сидеть на ней было невозможно. Травы, что ли, нарвать, как тогда?.. Ну её в пень. Изгваздаюсь, буду, как чучело... Лучше просто постоять, ноги не отвалятся. Я поднял руку – светящиеся стрелки на часах показывали без двадцати девять. Пустяки. Девушкам вообще-то свойственно всегда опаздывать, но даже если и так – пустяки.

Я улыбнулся, вспомнив, как сидел на цепи, пугая сам себя страшилками про упырей и вампиров. Ага, это сейчас, с высоты прожитых лет смешно. А тогда было вовсе не смешно. Особенно когда из тьмы проступило мутное пятно, надвигаясь...

...Мутное белое пятно приближалось, неслышно плывя по воздуху. Вот оно выступило из густой тени, и лунный свет отчётливо высветил белый саван, и бледное лицо, и чёрные волосы... Я стоял, как монумент, а она приближалась, шаг за шагом, неслышно и неотвратимо.

Она остановилась в пяти шагах, возле могильной оградки.

– Тии ктоо?

– Здравствуй, Вейла. Ну и шуточки у тебя...

А она уже мягко заваливалась, падая навзничь. Оторопев, я кинулся к ней. Да что же это... да что же это такое...

– Вейла... ты слышишь меня?! Отзовись!

– Аме ве иу... – не раскрывая глаз, прошептала она. – Хоолодно... очьеень...

Ни одной связной мысли не осталось в моей голове, только какие-то дикие обрывки. Дрожащими руками я стянул с себя куртку, пиджак и принялся напяливать на безвольно лежавшую девушку. Да что же это такое... что же происходит тут...

– Вейла? Ты держись, слышишь?! У меня тут машина рядом!

Я подхватил её на руки и понёс, стараясь не оцарапать голые коленки о торчащие всюду ветви кустарника. Под рукой перекачивались тугие мускулы её бёдер. А не та девчонка уже, да... потяжелела заметно... к счастью, и я теперь не тот тощенький пацан...

– Прости, Антон, – она вдруг открыла глаза, одним движением соскользнула с рук. – Совершенно идиотская шутка, ты прав. Тут у меня одежда рядом.

Она улыбнулась в темноте, едва разбавленной лунными лучами.

– Холодно очень. Аме ве иу.

* * *

Импозантный брюнет, подойдя к «Волге ГАЗ-24», одиноко прижавшейся к краю двора, вынул связку ключей, щедро унизанную брелками, и на секунду замешкался – видимо, не мог в темноте сразу отыскать нужный ключ. Признав в брюнете жильца из соседнего подъезда и не найдя в его деяниях ничего предосудительного, а равно и интересного, три старушки на лавочке вернулись к обсуждению животрепещущей темы – возмутительному поведению Зинки из четырнадцатой квартиры, заведшей себе очередного хахаля.

Улыбнувшись старушкам издали (вежливость, как известно, – могучее оружие), Инбер нажал на брелок, и тот успокаивающе мигнул инфракрасным огоньком – всё в порядке, за время отсутствия хозяина никаких дополнительных устройств и приспособлений на автомобиле не появилось...

Мотор «Волги» завёлся с полуоборота. Вывернув руль, резидент задним ходом выкатил машину на проезжую часть и врубил сразу вторую передачу. Шины повозки негодующе взвизгнули, аппарат рванул с места.

Нет, но до чего нахальная девчонка, а? «И нет раскаяния во мне, вот что страшно»... м-да... Мать её такой, помнится, не была. Почитала старших товарищей... а впрочем, какой он тогда ещё был старший... практикант в розовых очках, не более того. И изрядный нахал к тому же, да-да, чего перед собой-то лукавить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.